

ДУШЕ НЕ ДАВАЯ СГИБАТЬСЯ

ВЛАДАРГ ДЕЛЬСАТ

Владарг Дельсат

Душе не давая сгибаться

Серия «Мужество юных», книга 1

<https://litres.ru/73076093>

SelfPub; 2026

Аннотация

Валерии почти пятнадцать, но судьба не оставляет ей права быть слабой. Когда на страну внезапно обрушивается война, все ее мечты рассыпаются, а жизнь подталкивает к выбору, требующему мужества. Чтобы помочь фронту, она становится медсестрой в госпитале блокадного города — среди крови, боли, детских криков и бессонных ночей.

Ее единственной опорой становятся письма от возлюбленного с фронта. С каждым листом, каждой строкой и таким долгожданным словом Валерия чувствует, что, вопреки боли, любовь может быть сильнее времени, расстояния и самой войны. И это чувство помогает ей выстоять перед лицом потерь и испытаний.

Через блокаду, эвакуацию, санитарные поезда и освобожденные концлагеря Валерия проходит путь, который делает ее сильнее, чем она могла представить. Но даже теперь ее сердце все еще хранит надежду на встречу с тем, кто завоевал его одним танцем.

Чем окончится череда ее испытаний? Удастся ли Валерии вновь встретиться с любимым или война заберет все, что ей дорого?

Содержание

Здравствуй, Ленинград	5
Экскурсия	15
Алексей	26
Первый шаг медсестры	37
Личная ученица	48
Жизнь больничная	59
Тот самый день	69
Ваше место тут	80
Прощай, папа	91
Боевое крещение	102
Прощание с Алешей	112
Карточки	123
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Владарг Дельсат

Душе не давая сгибаться

Здравствуй, Ленинград

«Здравствуй, Ленка!

Я обустроиваюсь уже. Сегодня новость замечательную узнала: приняли меня в школу медицинскую имени Карла Маркса! Ты же помнишь, я после семилетки хотела в медицину, вот и вышло у меня. Сегодня я на шаг ближе к родной хирургии стала! Правда, здорово? Как там наш санитарный пост? Как девчата?..»

С самых ранних лет я желала быть врачом. Ещё в детстве играла в доктора, а теперь-то я взрослая, четырнадцать уже, семь классов закончила и стала на шаг ближе к своей мечте. Мама моя доктор и очень поддерживает мои желания, а папка — красный пилот, комэска! Он всегда говорит, что мечта — это главное. И вот сегодня я стала на шаг ближе к мечте!

В Ленинград мы переехали недавно, и месяца не прошло. Так-то мы в Москве жили, столице нашей Родины, но партия сказала «надо!», и я, как комсомолка, не могу обсуждать

приказы. Папку в Ленинград перевели на усиление противовоздушной обороны, только это секрет. А мама у меня хирург детский. Говорят, что у неё золотые руки. И сама она суровая, когда надо, очень требовательная, но ведь именно таким и должен быть настоящий врач! Её даже отпускать не хотели, но пришлось, конечно, куда же она без папки.

Я от этого даже экзамены пораньше сдала, мне разрешили! Говорят, сам товарищ Ворошилов распорядился, да только врут они все. Вот так и переехали. Всё вокруг незнакомое, но это же Ленинград, колыбель Революции. И я буду достойна такого доверия — жить в этом городе. Хотя, конечно, грустно: подружки все в Москве остались, теперь только письмами и будем беседовать.

Поселили нас почти на самом берегу Невы, на улице революционера Лаврова. Очень красивая улица, и дом наш, говорят, какому-то купцу принадлежал, но Революция выгнала его, позволив жить тут нашим, советским людям. Теперь и мы тут живём, потому что маме до работы совсем недалеко. Она в больнице Раухфуса работает, и я буду! От радости, что она согласилась у них работать, тамошнее начальство и меня в санитарки записало. В понедельник в первый раз пойду туда.

Да и то, я в Москве медицину с самого раннего детства учу: кости, мышцы, сосуды — всё знаю! Хотя сейчас на экзамен готова. В медицинской школе даже удивились, но и похвалили, конечно. Я поступила в медицинскую школу имени

Карла Маркса, она дальше больницы, на трамвае ехать надо, а до работы можно и пешком за полчаса добраться. И мыть хирургию я умею, ведь лет с двенадцати мама меня с собой брала да показывала, как больница устроена. И курсы я проходила, и на санпосту была, и ещё многое умею... Помню, всё детство я с крючками да зажимами провела...

Квартира у нас просторная, трёхкомнатная, светлая. Окна на улицу глядят, а там люди по делам своим идут. Мне нравится смотреть на них и мечтать о том, как оно будет через десять лет, когда все люди Земли поймут, что наш строй самый передовой. Мамин кабинет, в который мне можно заходить даже без спроса, телефоном украшен, ведь ей в любой момент позвонить могут.

Первые дни я не знала, за что хвататься, а потом в Смольный пошла, и будто второе дыхание открылось — пошла узнавать в отношении училища. И тут вдруг оказалось, что есть не так далеко от больницы школа медицинская, за два года медсестёр готовит. А из неё сразу и в институт можно, ведь настоящий врач учится всю жизнь, так мама говорит. Ой, трамвай!

От школы до дома больше часа, если пешком, да и опасаясь я пока, могу же заблудиться. Милиционер, конечно, всегда поможет, но надо и самой уже приучаться. Ведь нам тут долго жить, так папа говорит, а он точно знает, что и когда произойдёт. На моей памяти не ошибался ещё никогда. Так что буду я ленинградским врачом. Строго обязательно буду!

Запрыгнув в трамвай, оплачиваю проезд и прижимаюсь к стеклу, разглядывая места, мимо которых мы едем. С соседкой сверху вчера познакомилась, её Леной зовут, в точности как мою оставленную в Москве лучшую подругу, письмо которой я прямо с утра на почту снесла. А чего бы не снести, если по дороге? Должно быть, подружимся мы, потому что отчего же не подружиться двум комсомолкам?

Сейчас я домой... Да, домой отправляюсь. Мама в больнице, но мне туда пока нельзя, чтобы никого не подводить. Сказано: с понедельника, значит, с понедельника. Я лучше книжку какую почитаю да загадаю, кто раньше домой вернётся сегодня, мама или папа. У папки какие-то проверки по службе, но проверяют не его, а какого-то шпиона, которого уже расстреляли. Вот сколько я всего знаю, но буду, конечно же, молчать, ведь я комсомолка!

— Барышня, вы ходите? — сначала я даже и не реагирую на такое обращение, но затем, конечно, подаюсь в сторону, чтобы не мешать проходить пожилому дядечке с острым, цепким взглядом.

Сначала я думаю, не шпион ли он, но, увидев, куда направляется подозрительный незнакомец, выдыхаю: шпионы в энкаведе не ходят. Хотя, если вспомнить дела прошлые... но я не буду, потому что так папа сказал. Надо привыкать к тому, что в Ленинграде люди совсем иначе вещи называют, да и обращаются тоже. Особенно старшие к младшим, хотя я, конечно, просто товарищем могу назвать или граждани-

ном, если не уверена.

Чего я от окна-то отошла? Ах да, надо будет выяснить, где мне на учёт становиться, в школе или в больнице. Буду сама себе на учёбу зарабатывать, что меня очень радует. Хотя папка говорит, что за учёбу не так много платить нужно¹, но мне же приятно самой! Работать и учиться, чтобы стать настоящим советским врачом.

Сегодня пасмурно, солнышко только ненадолго выглянуло, но я не грущу. День у меня очень радостный получается, ведь я на шагок к мечте приблизилась. Тем не менее комсомольскую работу запускать не следует, потому что она очень важна. Всё же куда нужно на учёт встать? Надо обязательно спросить, потому что это важно. Партийная дисциплина начинается именно с таких вещей. А без дисциплины никуда.

Трамвай останавливается, выпуская меня на широкий проспект, я же отхожу в сторонку, оглядываясь. Всё-таки очень красив Ленинград, не даром Революция здесь родилась. Мамина подруга говорит, что в красивом месте родиться приятнее. Она акушер и шутит так просто. Ну а вдруг это не только с малышами верно? Может ли такое быть?

Жду не дождусь понедельника... Работа санитарки нелегка, особенно в хирургии, но мне скорее привычно, отчего и хочется окунуться в знакомую атмосферу.

¹ Решение СНК от 26.10.40 вводило оплату за обучение, начиная с восьмого класса

Я декабрьская, в декабре родилась, за два дня до Нового года. Говорят, что папа, когда я родилась, сказал маме, что это самый лучший подарок. Я очень люблю родителей, но это, наверное, у всех так.

Едва не заблудившись, с улицы Салтыкова-Щедрина иду домой. Вокруг меня тихие улицы, только время от времени легковая машина прошелестит да прогремит полуторка, что-то везущая по своим делам. До моего нового дома минут пять пешком, то есть рукой подать. Я немного скучаю по нашему московскому дворику, наполненному шумом ребятни, в котором прошло моё детство; но я выросла, мне целых четырнадцать, и пора строить свою жизнь так, как мечтается. В стране Советов каждый волен идти своей дорогой.

Вот и мой дом красного кирпича... А может, это просто краска такая, но мне он, конечно же, нравится. Я захожу в наше парадное, поднимаюсь на второй этаж и открываю сыто клацнувший замок своим ключом. Дома сейчас никого нет, ведь суббота сегодня, воскресный день у нас завтра.

Прихватив газету из почтового ящика, я прохожу в прихожую, чтобы сбросить туфли и выскользнуть из плаща. Переодеваться позже буду, а пока поищу, чем бы перекусить, пока мама на работе, а папка в части своей. За приоткрытым окном слышится, как ветер шелестит листвой деревьев да бабушка какая-то колыбельную напевает. Очень уютно на душе от таких звуков становится.

Не утерпев, заглядываю в газету, сразу же удивившись, там сообщение ТАСС напечатано. Интересно, а почему именно сегодня? Внимательно вчитываюсь и сразу же всё понимаю: англичане воду мутят, вот в чём дело. Но Советский Союз твёрдо держит своё слово, показывая, что никто пакт нарушать не собирается. Так прямо и написано: «ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы»².

Интересно как... Надо будет папу осторожно расспросить, ведь не зря же такое написали именно сейчас? Я верю сообщению ТАСС, да и война мне кажется чем-то невозможным, ведь не дурак же немец, на нас лезть. Красная Армия и флот любого желающего на нас напасть вмиг окоротят. Поэтому я просто выбрасываю прочитанное из головы, переключаясь на другие статьи.

Решив поест позже, отправляюсь в свою комнату, где у меня после переезда ещё даже не все книги расставлены. А что может быть важнее книг? К тому же радость сегодня у меня большая — почти не расспрашивая же в медицинскую школу взяли. Удивились очень тому, что я с малых лет к маме в больницу ходила, ну и учили меня там разному, поэтому я многое знаю. Люблю я за детьми ухаживать, но ещё больше мне хирургия нравится — вот где настоящее искусство!

Расставляя книги, думаю о том, что раз уж я себя взрос-

² Сообщение ТАСС от 14.06.41

лой считаю, то надо посмотреть, чем родителей накормить. Они уставшие и наверняка голодные придут. Но сначала следует переодеться, потому что нельзя с продуктами в уличной одежде работать, так мама говорит. Принципы асептики и антисептики я хорошо выучила и знаю: сначала сменить одежду, потом помыть руки и только затем на кухню можно.

В газете пишут о победе металлургов-кировцев, о строительстве дороги колхозникам, а на второй странице огромная статья о работах Владимира Ильича Ленина. Надо будет вечером законспектировать, потому что это очень важно. Учебный год в школах только заканчивается, а я уже всё, отстрелялась. Экзамены кажутся сейчас совсем несложными, хотя наволновалась я, конечно. Одно дело — вместе со всеми сдавать, совсем другое — одной-одинёшенькой, но справилась на отлично. Я отличница, конечно же, потому что врач должен знать много и быть внимательным. Когда мне что-то не даётся, я занимаюсь день и ночь, пока не освою. Папа говорит даже, что есть во мне что-то от танка — не сдаюсь и не останавливаюсь. А мама только хвалит и улыбается так, как только она и умеет.

Ещё пишут о том, что завтра кросс массовый будет, но мне пока ещё нельзя так бегать — я зимой болела сильно и затем на полгода у меня с физкультурой ограничения приключились. Впрочем, я не расстраиваюсь, придёт и моё время. А пока... Пока я заглядываю на третью страницу, увидев только сообщения об урожае, а международную хронику по-

позже посмотрю.

Помыв руки, отправляюсь на кухню, сразу же увидев, что мама о нас всех подумала: вот он, обед, только разогреть. Мне бы такой предусмотрительной быть, как мама! Улыбнувшись своим мыслям, я выглядываю на улицу и сразу же удивляюсь: прямо напротив дома «эмка»³ останавливается, а оттуда папка вылезает. Козыряет кому-то и разворачивается в сторону дома. Приглядевшись, я вижу, что на лице его улыбка, значит, всё хорошо.

Надо скорее обед разогреть, чем я тотчас заниматься принимаюсь. Руки действуют даже без участия головы, потому, когда во входной двери поворачивается ключ, всё уже готовится. Конечно, я не могу сдержаться и бегу к такому родному человеку.

— Па-а-апка! — с радостным визгом принимаюсь я его обнимать.

— Здравствуй, дочка, — он мне тоже рад, но его внимательный взгляд при этом ощупывает моё лицо, что я ощущаю почти физически. — Приняли?

— Приняли, папочка, — улыбаюсь я. — Пойдём, обед уже почти-почти.

— Ну накрывай на стол, — предлагает мне папа.

И тут дверь снова открывается, показывая мне и маму, по-

³ ГАЗ М-1 (простореч. название: «Эмка») — советский легковой автомобиль, серийно производившийся на Горьковском автомобильном заводе с 1936 по 1942 год.

этому некоторое время мы никуда не идём. Любопытно, по какой причине и папу, и маму раньше срока сегодня домой отпустили? Даже очень мне интересно, но я молчу — если надо будет, сами расскажут, а нет значит нет. Мне достаточно и того, что они дома.

Мама отправляется переодеваться и руки мыть, а я обедом занимаюсь — в столовую выношу кастрюлю и тарелки, благо подготовлены они уже заботливой мамой. Ещё нужно хлеб нарезать, а папе и зубчик чеснока, потому что нравится ему так. Конечно же, я знаю, что нравится и маме, и папке моему, потому стараюсь сделать так, чтобы им приятно было.

Затем мы рассаживаемся за столом и сначала, конечно, молча обедаем. Вот когда чай будет, тогда уже и время разговоров настанет, а до той поры молчок. Так у нас принято, потому что «когда я ем, я глух и нем». Очень вкусно мама готовит, просто язык проглотить можно. Когда-нибудь я тоже так научусь и буду радовать родителей, а пока от меня требуются совсем другие радости.

Всё же отчего родителям короткий день сделали, причём сразу обоим?

Экскурсия

«Компривет⁴, Валя!

Очень рада твоему письму и могу сказать, что ты совершенно права — новомодной лексике совершенно не место в речи советского человека. Прошли времена классово близких. На твой вопрос могу ответить, что крепка в своём обещании стать врачом и уже поступила в медицинскую школу, а с завтрашнего дня буду санитаркой в больнице. Так что я не ищу лёгких путей. А как твои дела? Очень скучаю по нашим посиделкам...»

Вчера я получила ответы на часть своих вопросов и затем задумчивой улеглась спать. Ах да, с Ленкой говорила, с той, которая соседка, а не московская подруга, она обещалась с утра зайти за мной, чтобы по городу погулять. Она очень любит Ленинград, даже отзывается о нём так, как будто с заглавной буквы называет — Город. Вот будет проводить мне ликбез, чтобы я не заблудилась, домой направляясь.

На учёт мне можно в школе встать, а можно и в больнице, раз уж меня официально берут, хоть и в виде исключения. Мама говорит, что какое-то там начальство, я и не поняла

⁴ Коммунистический привет. Чаще всего использовалась, как формула прощания, но встречалась и как форма приветствия в письмах той эпохи.

какое, горячо поддержало эту идею — меня взять и выучить на базе больницы. Значит, всё в порядке. Но тогда, наверное, имеет смысл именно в больнице, потому что я там чаще бывать стану. Да, пожалуй, там и встану на учёт прямо в понедельник, а сейчас мне вставать пора. Солнечный луч бежит по подоконнику, и я, откинув одеяло, вскакиваю, принявшись за зарядку.

Это папка меня приучил — утро с зарядки начинать. Да и в здоровом теле — здоровый дух, потому я и занимаюсь сейчас, а затем в ванную бегу, для здоровья тела это очень важно. А после душа можно уже и одеться, думаю, сразу же в платье и наряжусь. Любимое моё платье сине-зелёного цвета, на море похожего. Именно таким я его запомнила, когда лет пять назад мы в Крыму побывали. А после как-то не получалось...

Выхожу к завтраку уже готовая, а там папка мой газету читает. Сидит в штанах форменных и майке, перед ним кружка чая, читает и отпивает по глотку. Интересно, а мама где? Спустя мгновение я получаю ответ на свой вопрос — она из кухни выходит, неся завтрак для нас двоих, потому что папа уже успел поесть.

— Доброе утро, ранняя пташка, — здоровается он со мной. — Чего вскочила так рано в воскресный-то день?

— Доброе утро, родители, — улыбаюсь я. — Да вот договорились с Ленкой, что над нами живёт, по окрестностям побродить.

— Район базирования изучить, — понимает меня папка.
— Это правильно, поддерживаю.

— И полезно тебе гулять, — замечает мама, привычно ощупывая мои лимфоузлы. Напугала я их зимой, да и сама испугалась будь здоров — очень тяжело болела. — Так что в добрый путь.

— Спасибо, — настроение, и так хорошее, подскакивает ещё больше, отчего мне прыгать хочется, как в детстве, но я, разумеется, не буду, а стану чинно завтракать.

Каша на завтрак у нас, потому что мама говорит, так надо. А что такое «надо», я знаю очень даже хорошо, поэтому возражений у меня нет. Каша вкусная, маслом сдобренная, сладковатая, но не слишком, чай ещё черный из папиного пайка. С улицы доносятся радостные крики, отчего кажется мне на мгновение, что не уезжали мы никуда, а я всё также в привычной квартире на пятом этаже, откуда сейчас поскачу во двор, но...

Усилием воли подавив недостойные, по моему мнению, мысли, заканчиваю с завтраком. И вот стоит мне только помыть свою тарелку, как в дверь звонок раздаётся. Я быстро иду открывать, потому что понятно, кто это. И действительно, на пороге Ленка обнаруживается. Улыбается она мне радостно, ну и я ей, конечно, сразу же внутрь приглашая.

— Привет, я уже почти готова, — сообщаю ей, проверив наличие комсомольского билета в неприметном кармашке.

— Привет, — отвечает она мне. — Ой, здравствуйте!

— Здравствуй, Лена, — слышу я папин голос, сразу же поняв, почему «ой».

— Пап, мы побежали, — прощаюсь я с ним, чмокнув в щёку.

Сегодня на улице погода ровная стоит, хоть и прохладная немного, но плащ я с собой, конечно же, беру, чтобы не простыть. Только не хватало мне заболеть летом, потому и берегусь. Вот я и готова уже, одевшись на ходу, пока мы спустились.

— Куда пойдём? — интересуюсь у Ленки и тут вижу, что она взгляд прячет. — Попросить о чём-то хочешь?

Мама меня учила правильно распознавать такие вот взгляды, потому что в детской медицине разное бывает, оттого и умею я. А ходить вокруг да около не приучена просто — спросила прямо, ведь мы же обе комсомолки!

— У брата сегодня в Доме Красного флота... — тихо произносит она. — Я и хотела...

— Ну чего ты, — сразу поняв, что Ленка отказа ждёт, я обнимаю её за плечи. — Мне же всё равно куда. Давай в твой Дом отправимся, но ты мне расскажешь, как мы ехать станем!

— Спасибо, — сморгнув отчего-то появившуюся слезинку, отвечает мне она. И чего плакать, спрашивается?

Странно, мне же всё равно куда, а она реагировала так, как будто ей всегда отказывают. Или, может быть, думала, что я о чём-то таком рассуждать стану? Так я не буду, пото-

му что брат — это часть семьи, это важно очень! Вот так ей и говорю, а Ленка расцветает просто. Надо будет с ней поговорить потом да выяснить, в чём тут дело. Кто-то явно не по-комсомольски поступает...

— Я думала, сначала на танцплощадку, — объясняет мне Лена. — Но сейчас выпускные, и там... — она тихо всхлипывает.

— Нет уж, решили к морьякам — поехали к морьякам, — твёрдо произношу я, думая уже, что всё поняла: обидел Ленку кто-то. Ничего, я во всём разберусь обязательно!

— Тогда нам до Кировной⁵ надо, ой, то есть Салтыкова-Щедрина, к третьему трамваю, — даёт мне указание подруга. Она уже подруга мне, ведь я её точно не оставлю плакать одной.

— А на трамвае долго ехать? — интересуюсь я.

— Нет, что ты, до Володарского только, — улыбается уже она. — А вот оттуда долго. Полчаса или даже дольше.

— Тогда пошли пешком? — предлагаю я своей новой подруге, на что она, подумав, кивает.

Вряд ли пешком намного дольше, чем трамваем, а так мы и окрестности посмотрим, и я сама себе маршруты продумаю, ведь с понедельника мне уже одной придётся. Работа у меня после полудня будет, ну или как скажут. Только в понедельник надо прямо с утра, чтобы всё нужное получить — халат и швабру, как папа шутит. Ну а что, кто-то должен

⁵ Переименована в Салтыкова-Щедрина в 1939 году

мысль везде, почему бы не я?

Чистота в отделении хирургии крайне важна, просто очень сильно, поэтому у меня никаких возражений и нет. Но сейчас я не о том думаю — мне нужно дорогу запоминать. До трамвая-то я её уже запомнила, а вот дальше...

Солнышко припекает, оно будто улыбается мне, и я улыбаюсь ему, думая о том, что берет взяла правильно. Мама напомнила, конечно, так бы и выскочила, в чём была, а берет как-то сам наделся, будто и без моего участия. Ленка свои тёмно-русые волосы заколола накрепко, отчего ветер её совсем не беспокоит. Мы идём небыстро, а я расспрашиваю её о городе, который она совершенно точно очень любит.

— Ой, трамвай, побежали! — как-то заметив латунную табличку с номером, она предлагает мне догнать трамвай.

— Бежим! — соглашаюсь я, чувствуя себя как в детстве.

Сам трамвай номер семнадцать оказывается почти пустым, поэтому я усаживаюсь к окошку, а Ленка рядом со мной. Она готовится рассказывать, я же просто смотрю в окно на легендарный город. Наверное, выглядел он совсем иначе, когда его патрулировали матросы, вылавливая всяких белых и анархистов, но в чём-то и так же. Здесь жил и трудился товарищ Ленин, чьи работы я, разумеется, конспектировала. Именно здесь и рождалось наше счастливое государство рабочих и крестьян, где каждый может быть тем, кем захочет.

— Это проспект Двадцать Пятого Октября, — сообщает мне подруга. — Самый известный проспект, он раньше Невским назывался.

— Ага... — киваю я, потому что внимание моё привлекает большое здание с массивной колоннадой. Витрины ещё огромные, прозрачные, и манекены за ними, как в ГУМе. — Диета... Парикмахерская... Ателье, — читаю я.

— Это Гостиный двор, — объясняет мне Ленка. — До революции тут купцы разные были, а теперь для трудящихся магазины, артели...

— Понятно, — запоминаю новый для себя ориентир, на который раньше почему-то внимания не обратила.

Заметно всё же, что день у нас нынче воскресный: красные командиры с семьями гуляют, а вон маленькая девочка ест мороженое из новомодного стаканчика. Очень мне попробовать хочется, но это потом. Я даю себе слово, что с первой зарплаты обязательно мороженого куплю и, приняв это решение, успокаиваюсь. Мороженое-то мне очень осторожно можно, чтобы снова не заболеть.

А Ленка будто и не замечает ничего, она мне живописует места, мимо которых дребезжит наш трамвай. Ну я тоже сказала «дребезжит», просто переваливается на рельсах, тяжело стучая по стыкам. Тут мы мост проезжаем, он тоже ориентир, потому что приметная скульптура на нём — мужик какой-то и кони. Его также надо запомнить.

— А это лошади Клодта, их четыре, — она показывает

мне, а я не могу глаз от этой красоты оторвать. — Как живые, правда?

— Правда, — зачарованно киваю я. — А мост?

— Это Аничков мост, — отвечает она мне. — Называется так.

Я стараюсь всё запомнить с первого раза, но, конечно, поражаюсь красоте того, что вижу. Будто бы весь город — огромный музей. А вот большое здание, на церковь чем-то похожее, но религия у нас от государства отделена, так что не может быть здесь церкви.

— Это музей атеизма, — сообщает мне Ленка, но какая-то бабушка вздыхает.

— Это Казанский собор, деточки. Запомните: и нас может не стать, а он будет, — наизидательно произносит она.

Я вскидываюсь, желая рассказать старушке о том, что религия — опиум для народа⁶ и советской стране совсем не нужна, но отчего-то никак не могу её найти. Будто испаряется она, а может, понимает, что зря о том заговорила, ведь мы и куда нужно можем об этом рассказать. Но название я запоминаю, разглядывая мощный купол и колонны музея атеизма. Если заплутаю, то хотя бы ответ на вопрос пойму. Папа говорит, что лишних знаний не бывает, поэтому я и прислушиваюсь внимательно.

— А вот смотри, тут канал Грибоедова, — показывает мне Ленка. — Рядом Дом книги. Его ещё иногда Зингеровским

⁶ “Религия есть опиум народа”. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения.

зовут, но то время прошло давно, а теперь там внутри глобус огромный есть.

— Это здорово! — радуюсь я. — Книги я очень люблю, ведь они не только знание, но и польза от них для души.

Тоже папины слова цитирую, не только потому что очень его люблю, а оттого, что папка у меня очень умный, и всё, что я знаю, благодаря ему и маме. Впрочем, я отвлеклась. По проспекту ходят молодые и не очень пары, да и семьи, но народу немного, наверное, все в парках, воскресенье же. А трамвай идёт всё дальше и дальше, позволяя мне знакомиться с городом, в котором мне ещё долго жить, если папку никуда не переведут.

— А вот смотри, — я поворачиваю голову и вижу дом белый с часами. Кажется, я его на открытках видела. Ленка рассказывает мне об этом доме, а трамвай тем временем поворачивает куда-то, насколько я понимаю, покидая проспект.

Я слушаю подругу и чувствую, будто говорю с Ленинградом, а он мне улыбается. Очень по-доброму, как папа, улыбается, отчего мне хочется принять его всем сердцем. Он совсем не такой, как Москва, наверное, поэтому Революция родилась именно здесь. Здесь её колыбель, здесь всё ею пропитано, и будто слышны даже песни революционных матросов... Перед глазами кадры из фильма о Революции встают, заставляя чувствовать гордость. Теперь я тоже ленинградка.

— Приехали — Балтийский вокзал! — удовлетворённо

сообщает мне Ленка. — Пошли скорей!

Я даже оглянуться не успеваю, как оказываюсь на улице, но и тут подруга мне долго оглядываться не позволяет, почти волоча меня за собой. Я поспеваю за ней, вполне понимая, отчего она так спешит — к брату торопится, в Дом Красного флота. Сейчас, оказывается, моряки готовятся ко дню Флота, поэтому мероприятия у них, репетиции разные, а сейчас будет два часа или даже больше личного времени.

— Ленка! — доносится до нас чей-то голос, и подруга моя резко останавливается. За нами обнаруживается моряк, совсем юный, с улыбкой глядящий на неё.

— Витя? — удивляется она. — А где...

— На танцплощадке, — объясняет он. — Отпустили всех поплясать, так что ты поторопись.

И мы снова спешим, только на этот раз не к Дому, а к площадке, что между зданием Биржи и набережной Лейтенанта Шмидта находится. Так, по крайней мере, мне говорит Ленка просто на бегу почти. Я стараюсь от неё не отставать, хоть и устала уже. Непривычна я к бегу, особенно после болезни. Права мама, на самом деле, надо мне себя поберечь, но и площадка уже видна, отчего Ленка, оставив меня, вперёд устремляется. Брата она там видит, вот и не обижаюсь я.

Даже лучше, что так, я хоть отдышаться могу, сразу же принимаясь медленнее идти. Отчего-то немного даже грустно становится, хотя повода к этому нет. Даже и не знаю, хочется ли мне сейчас танцевать или нет, потому что запыха-

лась я совсем, как будто очень долго бежала. Права мама, конечно, ведь она всегда права.

— Здравствуйте, — слышу я какой-то, как мне кажется, очень мужественный голос слева, вмиг поворачивая голову.

А там...

Алексей

«Здравствуйте, Фёдор Кузьмич!

Как ваше здоровье? Хочу поблагодарить вас за науку, очень она мне пригодилась при поступлении в медицинскую школу имени Карла Маркса! С городом я, как вы говорите, подружилась и уже скоро буду санитаркой в детской больнице. Скучаю очень, но всё понимаю. Мы живём совсем недалеко от Невы, и вокруг столько прекрасного...»

В первый момент этот моряк кажется мне каким-то необыкновенным, но затем я беру себя в руки, более спокойно принявшись его разглядывать, как папа учил, сверху вниз. Он худощав, коротко стрижен, а ещё у него удивительные синие глаза, просто примагничивающие мой взгляд, и мне снова приходится брать себя в руки. Итак, бескозырка с золотой надписью: «ВМУ им. Фрунзе», как в кино прямо, и две ленточки сзади плеч касаются. Помню, говорили, что на ленточке название флота, кажется, пишется... На нём рубаха белая... Не знаю, как она называется, но красиво, мне нравится, и якоря показывают, что моряк, хотя это, по-моему, и так ясно. На рукаве отметки, мне непонятные, потом папу спрошу, и ремень чёрный.

— Здравствуйте, — произношу я в ответ, отчего-то слегка

смутившись.

— Меня зовут Алексей, — представляется он. — Курсант второго курса.

— А меня Лера... Валерия, — отвечаю ему. — Учащаяся школы медицины.

— Не хотите ли потанцевать? — интересуется он у меня, на что я только киваю.

Диалог наш кажется странным, а ещё чудится мне, что и Алексей смущён. Интересно, сколько ему лет? Выглядит совсем взрослым, и у него улыбка добрая, но вот в глазах мне видится грустинка какая-то. Впрочем, мы ведь только встретились, скорее всего, так и останемся случайными знакомцами. Но отчего-то волнует меня его прикосновение.

Алексей ведёт меня на площадку, где как раз играет фокс-трот, кажется. Он очень бережно меня держит, и вот что я замечая: он предложил руку и ведёт так, как будто палку проглотил, осанка чудесная просто. И в танце очень осторожно переступает своими чёрными форменными туфлями, которые видны из-под синих штанов, держит меня на расстоянии, будто не желая прижиматься. И оттого, насколько бережно он со мной обращается, настроение каким-то странным становится.

Когда танец заканчивается, к нам Ленка с похожим на неё таким же курсантом подходит. По-видимому, это её брат. Алексей не отнимает свою руку, напротив, мне отчего-то кажется, что первый его порыв — меня защитить. Наверное, я

себе всё придумываю, ведь мы едва знакомы.

— Привет, Лёшка! — здоровается с ним Ленкин брат.

— Прости, что одну тебя оставила, — это Ленка мне говорит. — Увидела просто, и...

— Не за что просить прощения, — улыбаюсь я ей, не следя уже за разговором парней. — Брат — это очень важно. А я тут...

— С Лёшкой познакомилась, — понимающе кивает мне подруга. — Он хороший, ты не думай, просто нет у него никого, вот и...

Я понимаю, о чём она говорит: Алексей сирота, поэтому и обходится со мной так. Но это очень неправильно, когда совсем никого нет. Так что будем дружить, и появится у него кто-то, кому не всё равно. Мама говорит, что каждому важно, чтобы был такой человек, которому не всё равно, а я очень хорошо слушать умею. И вот я вижу, что Алексей улыбаться чему-то начинает, но продолжаю разговор с Ленкой.

У нас самое утро, получается, отчего на площадке мало народа. Здесь, наверное, как в Москве, только к вечеру все подтягиваются. Но музыка играет, курсанты танцуют, и девушки имеются, вот мы с Ленкой, к примеру. Но тут она прощается со мной, а её брат, так и не представившись, уходит. И я понимаю, что моя рука всё это время лежала в уверенной ладони курсанта.

— Алексей, а давайте дружить? — с ходу предлагаю я ему, чем, по-моему, озадачиваю. И нет в этом ничего странно-

го, ведь я комсомолка, а комсомолыцы отличаются крепкой дружбой!

— Давайте, — улыбается он мне наконец. — Не желаете ещё потанцевать?

Я оцениваю своё состояние — вроде бы усталость пропала, так что вполне можно. Тут кто-то, видимо, пластинку меняет, отчего звучит лёгкий вальс. Странно, я его раньше не слышала. Кивнув, вновь оказываюсь среди танцующих пар. Улыбка у Алексея совершенно чарующая. Мы друзья, поэтому, наверное, можно его разглядывать. Надо будет папу дома спросить, прилично ли это.

А ведёт он очень мягко, предупредительно, я просто лечу будто, а не танцую, и от этого на душе так легко-легко становится. Чудится мне в эти мгновения, будто Ленинград летит в вальсе вместе со мной. Настроение такое солнечно-радостное, да ещё и Алексей улыбается напротив. А танец всё длится, будто объединяя меня с городом в одно целое. Но всё заканчивается, приходит конец и танцу. Я отчего-то запыхавшаяся совершенно, поэтому мне отдохнуть следует.

— Давайте посидим на лавочке? — предлагает мне всё отлично заметивший Алексей. Есть в нём что-то от папки моего — спокойствие, уверенность и внимательность ещё.

— Давайте, — соглашаюсь я. — У вас, наверное, совсем мало времени, а вы его на меня тратите, — вдруг спохватываюсь я.

— Сашка позаботился, — улыбается он, подводя меня к

лавочке. — Так что ещё часа три я совершенно свободен.

Сашей, видимо, зовут Ленкиного брата, надо запомнить имя. Но вот сейчас я чувствую благодарность за это время, причём объяснить себе своих эмоций не могу. Не бывало со мной ранее такого просто никогда. Наверное, оттого, что раньше с моряками я не дружила, а вот теперь буду. И, восстановив дыхание, начинаю расспрашивать его. О семье нет, а вот о море, о Ленинграде, рассказывая между делом, что сама недавно в городе.

Некоторое время спустя мы уже прогуливаемся по дорожкам парка, а я рассказываю Алексею о Москве и о своём детстве. Он же сдержанно улыбается, бережно придерживая меня за локоть. И видна в этом забота такая, что нет у меня слов для её описания. Наверное, и не нужно много описывать...

— Мама говорит, что ещё недели две — и я полностью восстановлюсь, — рассказываю Алексею. — Перестану задыхаться от бега и буду потихоньку форму восстанавливать.

— Это очень хорошая новость, — отвечает он мне. — Вы желаете стать врачом?

— Детская мечта, — улыбаюсь я, чуть ли не взхлёб рассказывая ему о своих надеждах.

За разговорами три часа пролетают совершенно незаметно, поэтому, когда взглянувший на часы Алексей становится собранным, я только вздыхаю. Как переключатель повернули: только что был улыбчивым, шутил, а затем раз — и серьёзный курсант.

— Мне пора, — сообщает он мне.

— А мы ещё встретимся? — кажется, это совсем по-детски звучит. — С завтрашнего дня я в больнице работаю, по полдня, наверное, только пока не знаю, какую половину.

— У меня служба, — качает он головой. — В воскресный день?

— Двадцать второго? — переспрашиваю я. — Здесь же?

— Где вам будет удобнее, — чуть склоняет он голову ко мне.

— Тогда... В десять у Дома книги, идёт? — решаю я, потому что ориентир, по-моему, удобный.

— Обязательно буду, — обещает мне Алексей, а затем... уходит.

Мы, конечно, прощаемся, но быстро, потому что время уже. И вот он уходит, а я смотрю ему вслед и пытаюсь понять, что со мной происходит. С одной стороны, я подружилась с курсантом, и ничего зазорного в том нет, но вот себе я не вру, как и родителям, оттого понимаю, что вела себя не совсем как подруга. По крайней мере, мне так кажется.

Мы возвращаемся домой с Ленкой, потому что у её брата время тоже закончилось. Она от этого даже расплакалась, но теперь мы едем домой в трамвае, и я, обнимая её, утешаю нежданно ставшую настоящей подругой соседку. Она рассказывает мне о том, что с самого детства он был для неё

дороже всех, потому безумно трудно без него. Пусто ей, а я...

— Вот выучится он, будет на побывку приезжать, — успокаиваю я её, очень даже понимая, как трудно иногда без самого главного мужчины в жизни.

У Ленки совсем недавно отец погиб, я и не знала. А он в финскую... Настоящий герой, просто как в газетах, но ей от этого не легче. И хотя сама понимаю, что говорю не то, да и не так, да только успокаивается в моих руках Ленка. Вот кажется мне, что ей просто выговориться надо. Мама рассказывала, что это и у малышей бывает, когда что-то плохое случается.

Трамвай грохочет на стыках, а я сама задумчивая. Ленка в моих руках затихает и даже, кажется, чуть дремлет или же просто задумчивая, а меня одолевают мысли. Что-то необыкновенное случилось сегодня, не могу совсем себе объяснить я, почему так воспринимаю Алексея. И будто едва знакомы мы, а тепло мне сегодня было. Будто где-то внутри тепло делалось от жестов его, улыбки и слов, хоть и не говорил он ничего такого. Надо папу спросить... Или маму?

— Пойдём на выход, — утягивает меня встрепенувшаяся Ленка, будто и не сидела она только что притихшая, а снова улыбчивая.

— Пойдём, — согласно киваю я, поторопившись к дверям. — На трамвай или пешком?

Тут трамвай третий ходит, можно на нём, а можно и пеш-

ком, только мне сейчас, наверное, лучше на трамвае, всё-таки притомилась я сегодня. Надо будет маме рассказать о том, что в пот не бросало, но дышалось так себе. Может, гимнастика есть, чтобы восстановиться побыстрее? Очень мне желательно поскорее как раньше быть, ведь мне нужно работать, а санитаркам совсем непросто, пусть даже и в детском отделении.

— Давай трамваем, — будто читает мои мысли Ленка. — Знаешь, ты права, — без перехода продолжает подруга. — Зря я так плачу, ведь раньше Саша только меня защищал, а теперь всю страну! И меня тоже...

— И тебя тоже, — подтверждаю с улыбкой я, поворачивая на Салтыкова-Щедрина, как я её запомнила.

Оказывается, правильно запомнила, вон и остановка трамвайная, на которой совсем ожидающих нет. Время пролетело абсолютно незаметно, а обед я пропустила. Ох и будет мне на орехи за нарушение режима питания, ведь этого допускать совсем нельзя, так мама говорит.

Забравшись в третий трамвай, уже предчувствую сердитый мамин взгляд, поэтому заранее готовлюсь к словам о безответственности. Мама, конечно же, права, это очень неправильно — пропускать обед, но я просто даже не заметила, как время прошло, да и нет у меня пока часов, чтобы правильно определять его. Надеюсь, папка хоть о пропавшей дочери не забеспокоился. Вот кого мне заставлять волноваться совсем не хочется. Ну да не исправишь уже ничего,

так что буду виниться, глядишь, и не сильно заругают. Очень уж день сегодня хороший, не хочется его грустью портить.

Ленка будто понимает, отчего я беспокоюсь, буксиром из трамвая устремляясь вперёд, а я никак не могу сосредоточиться на ожидающем дома, потому что перед глазами Алексей. Вот же привязался! Как будто я других парней ни разу не видела! Сердиться на себя у меня всё равно не получается, правда, ещё и дыхание сбивается быстро, потому я концентрируюсь на правильном вдохе, чтобы не изображать «овечку»⁷ на Сортировочной.

— Если заругают, скажи, что я виновата, — говорит Ленка мне у самого парадного.

— Что ты! — я даже рукой на неё машу. — Врать нельзя!

— Совсем? — удивляется она, кажется, даже иначе на меня посмотрев.

— Это мама и папа, так что совсем, — качаю я головой, решив не напоминать подруге, что комсомольцы не врут.

Она улыбается, сделав для себя какие-то выводы, а затем мы чинно поднимаемся, хотя у меня отчего-то немного голова кружится. Именно об этом я и думаю, поэтому не сразу реагирую на открывшуюся дверь, от неожиданности взвизгнув, когда оказываюсь в воздухе. Ленка, кажется, что-то говорит, но я сама будто плыву, потому что меня папка в руках держит.

— Милая, глянь-ка, — произносит он, укладывая меня на

⁷ Паровоз “ОВ”, в народе называемый “овечкой”

диван.

Кажется, в этот раз, если и будут ругать, то не за обед. Мгновение — и сквозь распахнувшийся ворот блузки ко мне прикасается воронка фонендоскопа. Несмотря на то, что мама хирург, фонендоскоп у неё, конечно же, есть. Послушав некоторое время, мама, доселе выглядевшая нахмуренной, вдруг улыбаться начинает. Значит, не всё так плохо и можно успокоиться.

— Акклиматизация у дочки, — объясняет она встревоженному папке. — Климат в Ленинграде более влажный, да ещё нагрузилась Лерка, вот и вышло. Сейчас полежит немного, а затем и поест.

Папа успокоенно вздыхает, усевшись рядом со мной. Ну и я спокойная уже, ведь акклиматизация — обычное дело, мне мама ещё раньше это объясняла. Наверное, я просто забыла или внимания не обратила, отчего чуть неприятность со мной не случилась. Хорошо всё же, что мама такой отличный врач, я тоже таким буду, просто обязательно!

Как только мама позволяет, я иду мыть руки и обедать. Ну а потом рассказывать и вопросы задавать. Очень много у меня вопросов сегодня накопилось, ведь совсем странно я с Алексеем сегодня себя вела, необычно. И эти мысли меня тревожат, конечно. А ещё нужно подготовиться к завтрашнему — у меня работа начинается, и надо себя сразу хорошо показать.

— Дочку сейчас разорвёт, — замечает папа, отхлёбывая

мамин суп.

— Ничего, поест и сразу расскажет, — отвечает ему мама, погладив меня по голове, как в детстве. Очень мне этот жест приятен, хотя я стараюсь не показывать, ведь взрослая уже, четырнадцать целых лет!

Гостиная превращается в столовую во время, как папа говорит, «принятия пищи». Круглый стол отодвигается от окна, и вокруг него устраиваются самые обыкновенные стулья со слегка витыми ножками. Родители не любят вычурности в быту, ведь каждая вещь должна быть функциональной. Наверное, это оттого, что папа у меня военлёт, но, может, и не только. Мне нравится, даже очень, ведь всё родное вокруг.

Обед у нас из трёх перемен блюд состоит. Супы, борщи, харчо, щи — обязательно что-то жидкое и тёплое, а затем и второе. Поест за обедом надо плотно, как и утром, а вот ужин может быть лёгким, чтобы спалось сладко и спокойно. Так мама говорит, а она точно знает, как правильно нужно питаться.

Вот сейчас поем и расскажу обязательно!

Первый шаг медсестры

«Здравствуй, Ленка!

Получила твоё письмо прямо с утра, когда на работу собиралась. Я теперь санитаркой буду в хирургии, представляешь? В маминной больнице, конечно. Говорят, она самая известная в Ленинграде, просто не могу дождаться, когда наконец смогу войти в отделение. А ещё я тут познакомилась...»

— Вставай, соня, — ласковый мамин голос будит меня ещё даже до будильника. — На работу пора.

— На работу, на работу, — выпрыгиваю из кровати, приступая к зарядке.

В тон радио напеваю знакомую мелодию, радостно улыбаясь новому дню. Сегодня я войду в больницу по праву, как самый младший медперсонал. А ещё меня будут учить, так мама сказала, прямо на практике, хотя и теорию могут спросить, конечно. Быстро заканчиваю с зарядкой, идя по знакомому маршруту, успеваю выглянуть в окно. Рано ещё, но люди в пальто, значит, прохладно на улице.

— Оденься потеплее, — подтверждает мои мысли мама за завтраком. — Градусов десять на улице, не больше.

— Хорошо, мамочка, — киваю я, приступая к завтраку.

Вчерашний день вспоминается в тёплых тонах, особенно Алексей, к которому постоянно возвращаются мои мысли, несмотря даже на то, что я сама против. Папка сказал, что всё нормально, плохих людей в курсанты не берут, а мама разулыбалась. Значит, всё в порядке и нечего думать. А ещё папа обещал сегодня принести таблицы со знаками различия, чтобы я разбиралась в том, чем моряки украшены, да и не только они. Он самый лучший просто!

— Мы на трамвае поедem? — интересуюсь у мамы.

— Нет, машина придёт, — качает она головой. — Товарищ Гиммельфарб распорядился, чтобы хирургов по возможности возить.

— Вот как... — я удивляюсь, и сильно, потому что в Москве такого не было. — А Гиммельфарб — это кто?

— Это главный врач, — информирует меня мама. — Давай доедай скоренько и не забудь документы.

Она у меня всё помнит, просто совершенно всё, поэтому напоминает. И я ей очень за это благодарна, потому как забыть что-то можно, но нехорошо было бы в первый раз. А в документах у меня справка от ОСОАВИАХИМа о медицинских курсах при школе, и с санитарного поста Красного Креста, и из школы о том, что я принята в медицинскую школу имени Карла Маркса. Ведь несмотря на то, что меня уже приняли, сегодня со мной совершенно точно будут разговаривать, как же иначе? Надо же им проверить, достойна ли я в больнице Раухфуса работать?

Папы уже нет, он с самого раннего утра в части. Жаль немного, конечно, но такая у папки моего работа — защищать наше небо. А мы с мамой сейчас отправимся в больницу, уже и машина у парадного остановилась. Я у окна сижу, поэтому вижу. А по небу облака серые плывут, что в Ленинграде ничего о погоде не говорит. Ой, машина же! Я почти всасываю остаток каши и спешу на выход. А мама будто и не спешит, но двигается быстро, поэтому спустя уже минут пять мы из парадного к ожидающей нас чёрной приземистой «эмке» и выходим.

— Садись назад, — говорит мне мама. — Здравствуй, Серёжа.

— Здравствуйте, — улыбается шофёр. — Дочка? Куда её?

— К нам, Серёжа, — отвечает она, пока я устраиваюсь в уютном нутре машины. — Пополнение юное.

— Добро пожаловать тогда, — смеётся Сергей, трогая с места.

В автомобиле мне редко ездить приходилось, поэтому я не в окно смотрю, а рассматриваю салон — удобный диван и органы управления впереди. Мама молчит, немногословен и шофёр, но во мне всё замирает от предвкушения. К запахам больницы я привычна, поэтому помыть всё смогу, наверное. А что ещё санитарка делает? Полы моет, подоконники, детей покормить может, если им самим трудно... И больше я ничего не знаю. Ну да расскажут, я думаю.

Автомобиль подпрыгивает на трамвайных рельсах, но

едет споро, совсем не как трамвай. Теперь я понимаю, почему главный врач так приказал — время. И руки ещё, потому что для хирурга руки важнее скальпелей и крючочков. Так мы и доезжаем до здания красного кирпича, которое теперь будет местом моего труда.

— Двигаешься за мной, — бросает мне мама.

Ответа не требуется, потому я и молчу в ответ, с некоторым трудом вылезая из автомобиля, и затем уже совсем скоро сквозь двустворчатую дверь вступаю в вестибюль, где с мамой сразу же здоровается пожилой дядька в фуражке с синим околышем. Взглянув на оробевшую меня так, будто просветив насквозь, он неожиданно улыбается.

— Добро пожаловать, барышня, — произносит незнакомый мне пока дядька.

— Спасибо, — улыбаюсь я в ответ.

— Лера, за мной! — командует мама, и я иду к лестнице. — Хирургия у нас на втором этаже, тут ты будешь работать, а пока зайдём-ка к товарищу Аглинцеву.

— Да, мамочка, — киваю, торопясь за ней.

Запахи вокруг привычные, больничные. Лизол, которым для дезинфекции моют, а ещё едва заметный формалиновый оттенок. Аромат манной каши соседствует с привычным йодным запахом, плюс запахи лекарств, которые я определять таким способом ещё не умею.

Я поднимаюсь вслед за мамой, оказываясь в коридоре с полукруглым сводчатым потолком. С одной стороны окна,

кое-где забранные марлей с непонятной мне целью, а с другой двери. Тут и палаты, откуда можно хныканье или смех расслышать, и врачебные помещения, а дальше уже нужный нам кабинет, где начальник сидит. Он называется заведующим отделением, и в хирургии самым главным является.

— Добрый день, — здоровается моя мама, постучав.

— А, товарищ Суровкина! — приветствует нас доктор с округлым, чуть вытянутым лицом, на котором выделяются умные карие глаза. — И насколько я понимаю, в двух экземплярах?

— Так точно, — со смехом отзывается мама, входя в кабинет. — Дочь моя, наша будущая коллега. Пока будет санитаркой работать.

— Вот как, — приподнимает бровь заведующий отделением. — А позвольте мне поговорить с будущей коллегой?

— Конечно, — кивает она, спокойно выходя за дверь. — Петюшину позвать?

— Да уж, пожалуй, — соглашается с ней товарищ Аглинцев. — А вы, барышня, присаживайтесь.

Я понимаю, мама именно такого результата очень ждала и желала, а вот у меня сейчас будет экзамен. Суровый экзамен, потому что передо мной настоящий врач, который будет проверять мою решимость. Но я докажу! Я усаживаюсь на предложенное место, протянув заведующему бумаги, которые он берёт, сразу же принявшись разглядывать. Я же жду, стараясь успокоиться и настроиться.

— Вызывали? — интересуется женщина в возрасте мамы или даже старше, входя в кабинет. Она высокой выглядит, худой, но при этом совсем не злой, а ещё сразу же тепло мне улыбается, отчего я успокаиваюсь.

Оказывается, рано я расслабилась, потому что в этот самый момент начинается мой экзамен. Сначала теоретический, а затем заведующий, чему-то усмехнувшись, резко поднимается с места.

— Ну, пошли, будущая коллега, — твёрдо произносит он, показывая мне на дверь.

Что происходит?

Заведующий отделением ведёт меня вниз. Всё ниже и ниже, но я не понимаю, куда мы идём, зато это осознаёт становящаяся всё более хмурой мама. Мы спускаемся, кажется, в подвал, и у меня появляется догадка о том, что именно хочет сделать товарищ Аглинцев. Мне, наверное, чуточку страшно, но я же решила быть хирургом, значит, это точно надо.

— Врач, барышня, должен уметь многое, — сообщает мне заведующий отделением. — Но особенно он должен понимать последствия своих поступков. Вы решили стать хирургом, это так?

— Да! — почти выкрикиваю я и добавляю: — Как мама...

— Ваша мама великолепный хирург, — произносит товарищ Аглинцев. — Что же, если выдержите моё испытание,

буду лично учить вас.

— Да и я не откажусь, — улыбается товарищ Петюшина, которую, кажется, Еленой зовут.

— Вот и хорошо, — кивает заведующий отделением, постучав в какую-то дверь, немного неожиданно возникшую перед нами. — Здесь у нас царство наших знаний и, к сожалению, ошибок. Здравствуйте, Лидия Михайловна!

— Здравствуйте, Константин Давыдович, — слышу я ответ, увидев затем и врача. — Молодёжь пугаете?

Встреть я её на улице, никогда не подумала бы, что это врач. Лицо округлое, нос с горбинкой и глаза, цвета которых я сейчас в полумраке не различаю, глядят на меня внимательно. Отчего-то кажется мне, что взгляд её похож на Надежду Константиновну на фотокарточке — доброта и мудрость настоящей революционерки сплетаются в нём воедино.

— Барышня у нас курсы закончила, на санпосту была, школу медицинскую собой украсила, — спокойно рассказывает приведший нас сюда товарищ Аглинцев. — Мечтает быть хирургом и идёт к своей мечте. Теоретически ответила на все вопросы.

— Вот как? — удивляется Лидия Михайловна. — И теперь вы хотите показать практический материал... Что же, понимаю. Пойдёмте тогда препараты рассматривать.

Я успокоенно вздыхаю, стараясь не показать своё облегчение. Препараты — это не трупы, а просто органы, как в

атласе. Учитывая, что я атлас ещё в двенадцать наизусть весь выучила, большой проблемы быть не должно, разве что могут заставить в теле всё разместить, вот там я не знаю, как реагировать стану.

Но реальность оказывается не такой страшной. Мне действительно показывают именно учебный материал, прося определить да назвать. Знаю я, разумеется, далеко не всё, к тому же запах формалиновый через некоторое время заставляет голову кружиться, но я терплю. Второй попытки у меня не будет, я осознаю это совершенно точно, потому старательно описываю и рассказываю.

— Стоп, — произносит Константин Давыдович. — Она сейчас сознание потеряет. В чём дело?

— Пневмония, товарищ заведующий, — вздыхает мама. — Реабилитация у неё, но работать она готова.

— Да, всё одно к одному, — кивает он, посмотрев на меня почему-то с уважением. — Что скажете, Лидия Михайловна?

— А то вы сами не видите, — с некоторой ехидцей отвечает ему здешняя доктор, видимо, патологоанатом. — Очень приличные знания анатомии, чуть похуже физиологии, в любом случае надо учить.

— Так, прекрасно! — Константин Давыдович благодарит её, отправляясь к двери.

Мы идём обратно, а он подзывает маму к себе, начав её о чём-то тихо расспрашивать. Я не подслушиваю, ведь я ком-

сомолка, хотя любопытно, конечно. Очень интересно, чем всё закончится, хоть и понимаю, что из санитарок точно не погонят, раз уже взяли. Кроме того, доктор сказал, что сам учить будет, — может, пошутил? Вот так мы все вместе по коридору проходим, а затем и в кабинет возвращаемся.

— Итак, — разворачивается ко мне Константин Давыдович, — до сентября будешь приходить с мамой, учиться и работать, а как школа начнётся, договоримся. Это понятно?

— Понятно, — киваю я, ожидая продолжения, и не ошибаюсь.

— Лена, берёшь её к себе младшей медсестрой и учишь всему, чего не знает, — велит заведующий отделением. — А сейчас в кадры ведёшь, и пусть меняют.

— Ясно, Константин Давыдович, — сосредоточенно кивает товарищ Петюшина. — Спасибо большое!

И тут я удивляюсь: она-то за что благодарит? Это я должна до потолка прыгать от счастья, ведь сразу же через ступеньку шагнула! По крайней мере, мне так кажется, поэтому я благодарю, а медсестра, которая теперь моя начальница, показывает на дверь. Кинув прощальный взгляд на маму и увидев её улыбку, я больше не волнуюсь, идя, куда показано.

— Так, меня можешь звать тётей Леной, — сообщает старшая, по-моему, медсестра. — Я тебя буду звать Лерой, иногда по фамилии. Возражения есть?

— Нет, — качаю я головой, не понимая, откуда сразу вот такое изменение отношения.

— Ты не спрашивала, но подумала, — продолжает, получается, тётя Лена. — Я не Мессинг, мысли не читаю, но объясню: ты наша. Ты из семьи врача, только что доказала, что готова идти к своей мечте, а значит, наша. И мы с нашей Валерией сейчас отправляемся в кадры. Ты комсомолка?

— Конечно, — улыбаюсь я, ведь как же иначе?

— И к комсомольцам тогда, — кивает она, сразу же ответив на все мои вопросы.

Неожиданно доброй она оказывается, как будто действительно родственница. По крайней мере, очень тепло ко мне относится, показывая, что и где здесь расположено. Я стараюсь запоминать, ведь это очень важно, ну а затем оказываюсь в отделе кадров. Вот там всё как-то моментально происходит: тётя Лена только и успевает сказать, что ей поручил Константин Давыдович, а уже спустя несколько минут мне дают расписаться и объясняют насчёт зарплаты. Оказывается, меня младшей медсестрой официально берут, не на общественных началах. Но как, мне же четырнадцать?

— Смотрим сюда, — показывает мне таблицу какую-то с указанием персонала больницы пожилой дядечка. — О возрасте ничего не написано, а товарищу Аглинцеву виднее. Свободны!

У меня даже рот от удивления открывается, а тётя Лена смеётся. Она вполголоса рассказывает мне, что действительно нигде не написано о возрасте медсестёр, потому что там важны знания. А раз я знания показала, то с четырнадца-

ти вполне можно, ведь меня же ещё учить станут. И вот это откровение меняет моё представление о предстоящем пути. Выходит, я к институту уже медсестрой буду, с опытом! Это так здорово, что мне опять визжать и прыгать хочется.

— Сейчас к комсомольцам зайдём, — сообщает тётя Лена, — а потом дам тебе задание, и посмотрим, как справляешься.

— Спасибо, — улыбаюсь я, не помня себя от радости.

Вот такого я совершенно точно не ожидала...

Личная ученица

«Здравствуй, Вика!

Очень рада твоему письму и поздравляю с поступлением! Не очень хорошо поняла твои опасения по поводу Виктора — он приставал к тебе? Если это так, то стоит поставить вопрос ребром, а то и вынести на собрание. Если он не способен отличить личное от общественного, то грош ему цена как комсомольцу! И пусть товарищи ему скажут...»

Вечером я всё ещё совершенно ошарашена. Удивление произошедшим вытесняет из моих мыслей даже Алексея. Интересно, отчего я подумала именно так? Когда это Алексей успел стать «даже»? Впрочем, я сейчас о другом. Стать младшей медицинской сестрой в мои четырнадцать — это что-то невообразимое, о чём я вечером папе рассказываю.

— Всё правильно, — кивает он, сразу же отложив газету. Папа всегда так делает, показывая мне с раннего детства, что я для него важнее, и это просто бесценно, по-моему. — В нашей советской стране разрешено всё, что не запрещено, правильно?

— Правильно, — киваю я, ведь это очень логично.

— Запрещённое перечисляют наши советские законы, уставы и уголовный кодекс, — продолжает он свою речь. —

Раз в штатном расписании больницы не указан минимальный возраст, а определён только необходимый уровень знаний, то что это значит?

— Значит, можно... — негромко отвечаю я.

Действительно так. В Советском Союзе до четырнадцати нельзя, а после вполне можно. Есть, конечно, свои ограничения, но мне уже всё тётя Лена объяснила: в учебное время, с сентября, я буду только после занятий приходить на работу, ну, если мне первый год по практике не зачтут, а пока лето — можно и весь день. Тем более меня учить станут, ну и процедуры у меня ещё, чтобы поскорее восстановиться.

Так что, выходит, всё правильно, поэтому я засыпаю со спокойной душой. Сначала-то, конечно, долго с папкой разговариваю, которому меня мама нахвалила прямо до смущения. Оказывается, Константину Давыдовичу очень понравилось, что я не кривилась и не морщилась, а смело в руки препараты брала. Ну и ещё как называла, как объясняла...

— Это твой первый экзамен жизни, — произносит папа, обнимая меня. — Доселе были лишь школьные испытания, а теперь ты вступила в медицинское братство. Поздравляю тебя, дочка.

— Спасибо, папка, — я даже зажмуриваюсь от удовольствия.

Вот, теперь можно и спать. Мысль о том, чтобы почитать перед сном, я отметаю, потому что мне нужно выспаться, завтра рано утром на работу. А всего через пять дней мы

встретимся с Алексеем, и отчего-то я на этот факт немного странно реагирую. Мне кажется, будто мы не просто подружились, а ещё что-то случилось, незаметное для меня пока. Впрочем, сейчас это не так важно — спать пора.

Наверное, напрасно я думала об Алексее перед сном, потому что сны мне несуразные снятся. Будто гуляем мы с ним за руку, он в форме, а я в халате белом, по берегу Невы, а вокруг люди радуются, как на Первомай. В этом сне я такая счастливая, просто не выразить как... Наверное, сон мой что-то значит, хоть и совсем невозможный он — что мне в халате вне больницы делать? Но вот ощущение тёплого счастья остаётся со мной, даже когда звенит будильник.

Долго раздумывать мне некогда, надо на зарядку становиться да душ принимать, чтобы успеть с мамой поесть не торопясь. Маме не нравится, когда торопятся, поэтому и не надо спешить. Впереди у меня сегодня больница. Вчера тётя Лена рассказала, чем с утра заниматься придётся — проверить комплектность бинтов, йода и медикаментов в шкафах. Нужно по журналу проверить и, если чего-то не хватает, расписать. В отделении всегда всего должно быть вдоволь, чтобы, если несчастье какое, не было паники. Но лучше бы, конечно, чтобы несчастий не случилось.

— Проснулась уже? Вот умница! — хвалит меня мама, когда я из ванной комнаты выскакиваю. — Одевайся как вчера, на дворе теплеет, но тебе нужно беречься.

— Конечно, мамочка, — сразу же киваю я, потому что

ей виднее. Впрочем, я и собиралась так же одеться. Наряды менять каждый день хлопотно, да и папа меня приучил быть скромнее.

— Доброе утро, папка! — радуюсь я тому, что застала его.

— Здравствуй, егоза, — улыбается самый лучший на свете человек, надевая фуражку. — Удачи сегодня!

— Спасибо! — я провожаю его до двери и спешу в комнату — завтракать пора.

Про «тётю Лену» мама мне ещё вечером объяснила: если сказали называть так, значит, это обращение правильное и слишком много думать не надо. Я послушная, конечно же, да и мама лучше знает, у неё опыт. Приятнее учиться не на своих ошибках.

Усевшись к столу, получаю привычную кашу и, помогая себе хлебом, но стараясь не торопиться, довольно быстро её уминаю. Очень мне хочется поскорее к работе приступить. Халат там меня уже ждёт, да ещё косынка обязательная, чтобы волосами ни во что не попасть. Несмотря на то, что я всегда косу туго заплетаю, всё равно — техника безопасности. Ну и форма медсестры такая, а нарушать форму одежды без причины не следует.

— Готова? — интересуется мама, что означает — время поджидает.

Я быстро надеваю пальто и берет, обувь ещё и через пять минут совершенно готова. Мама придирчиво оглядывает меня и удовлетворённо кивает — нравится ей мой внешний

вид, а я мечтаю о работе. С заданием надо за два часа справиться, потому что потом я должна присутствовать во время обхода и внимательно слушать — так начнётся моё практическое обучение.

И всё же нет-нет, а появляется в мыслях Алексей. И хотя сама я против этих мыслей, он меня совершенно не спрашивает. Ну вот как так? Непонятно это совершенно, будто что-то заставляет меня о нём думать... и за вот этой борьбой с собой я и не замечаю, как давешняя «эмка» до больницы доезжает. Простившись с мамой, я быстро убегаю в комнату старшей медицинской сестры.

У медсестёр нет своей раздевалки, поэтому в халат я облачаюсь в пустой сейчас комнате. Все санитарки и медсёстры работают. Точнее, они сейчас меняются — ночная смена домой уходит, а дневная только-только приходит, принимая дела. Звучит это как передача караула — мне папка показывал, как оно бывает — и потому меня совершенно не удивляет.

Быстро надев и завязав халат, я повязываю и косынку. Тут зеркало есть небольшое, оно позволяет мне увидеть, всё ли ладно. Халат мне вчера насилу нашли — худенькая я, да и рост пока ещё... Но нагоню, конечно, ведь из-за болезни многое затормозилось, так мама говорит. И вот, ещё раз всё проверив, я беру со стола старшей медицинской сестры показанный мне вчера журнал. При этом никого почему-то не встречаю, но мне же проще.

Интересно, как меня другие примут? Медицинские сёстры и санитарки? Не будут ли сердиты оттого, что я слишком юна для работы? Я думаю, сегодня совершенно точно узнаю, хотя и надеюсь, что всё хорошо пройдет.

Обход пациентов — это врачебное правило, мне, конечно же, знакомое. Правда, в основном, из кровати, потому что я пациенткой была, а теперь среди врачей нахожусь, отчего, конечно же, робею. Но Константин Давыдович не позволяет мне затеряться, а ставит подле себя. И мама тут, с улыбкой доброй смотрит, отчего я увереннее себя чувствую.

— Разрешите представить вам, коллеги, — негромко объявляет заведующий, — Суровкина Валерия Георгиевна, моя личная ученица.

— Здравствуйте, — стараясь говорить твёрдо, произношу я.

— Отлично! — восклицает незнакомый мне доктор. — Добро пожаловать, коллега!

— Спасибо, — очень удивлённо отвечаю я.

Странно, но насмешки я не слышу. Врачи на меня смотрят открыто и будто поддержать хотят, что меня удивляет немного. Я-то уж себе напридумывала про курицу и яйцо, а они, оказывается, наши, настоящие советские люди. Но тут начинается обход, при этом Константин Давыдович не позволяет мне отойти. Он негромко объясняет, что и зачем де-

лает, при этом другие врачи воспринимают его действия как должное.

И тут рядом тётя Лена оказывается, с другого бока. У неё в руках истории болезни, она докладывать готовится. Значит, мне позволяют учиться прямо с ходу, и я, конечно же, стараюсь всё-всё запомнить. Заведующий выслушивает медицинскую сестру, затем лечащего врача, а после этого, если нужно, осматривает сам. И я вижу, что дети ему рады, значит, он хороший человек. Мама говорит, что они всё-всё чувствуют, а она не может ошибаться.

— Острый живот⁸, — задумчиво произносит Константин Давыдович. — Привезли ночью, то есть прошло часов пять. Елизавета Викторовна, возьмёте на стол?

— С радостью, — улыбается мама. — Прямо сейчас и возьмём, а то чего ж он мучается?

Мы идём дальше, а мама остаётся. У неё пациент, которого нужно оперировать довольно срочно, это-то я понимаю. И вот мы входим в палату, в которой девушка моих лет, только она странно лежит — на боку и согнув ногу. При этом в её позе напряжение, мне вполне заметное, а ещё ей совершенно точно больно.

— Ну-ка, Валерия Георгиевна, перед вами пациентка, — говорит мой учитель, жестом остановив тётю Лену. Ну раз я ученица, а это он сказал сам, то... — Представьте, что нас здесь нет, а вы врач. Расскажите, что вы будете делать?

⁸ Воспаление аппендикса

— Слушаюсь, — от неожиданности отвечаю я не совсем так, как принято, а затем припоминаю, что именно он делал, и подхожу к девушке. — Давно болит?

— Два... дня... — сквозь зубы отвечает она мне, по-видимому, находясь совсем не тут. Я мягкими, поглаживающими движениями прохожусь по ней, как делала мама с совсем малышами. Нажав в нескольких местах, понимаю, где у неё болит, но вот что это, не знаю.

— Пациентка напряжена, испытывает сильные боли, Константин Давыдович, — докладываю я. — Локализация поражения скорее в районе почек или органов малого таза, ну и лежит она так не просто так. Значит, нужно опросить медицинскую сестру об анамнезе и открыть справочник или же идти к более информированным коллегам.

— Прекрасно, Валерия Георгиевна, — реагирует Константин Давыдович на мои слова. — Всё отметили правильно. Это называется «вынужденное положение» и говорит оно нам, скорее всего, о паранефрите⁹. Ну-ка, что у нас в анамнезе? — интересуется он у тёти Лены.

Похоже, я выдержала своё второе испытание. При этом Константин Давыдович проверил ещё, и как я его слушаю, в результате оставшись довольным, насколько я могу судить. Он подтверждает свой диагноз, распорядившись пациентку на стол направить через час. По меркам хирургического отделения это чуть ли не экстренно получается, но особенно

⁹ Гнойное воспаление околопочечной жировой клетчатки

меня греет факт похвалы.

— Лена, берёшь юное дарование на перевязки, — распоряжается заведующий. — И чтобы через две недели могла взять на себя все простые манипуляции.

— Сделаю, — кивает тётя Лена, а потом и меня уводит, потому что обход заканчивается. — Пойдём, работать будем и учиться заодно.

— Я с радостью, — признаюсь ей, уже совершенно успокоившись.

— Оно и видно, — улыбается она, уводя меня, насколько я вижу, в процедурную. — Сидишь здесь, поначалу смотришь, в обморок не падаешь. Всё понятно? — показывает мне на стул неподалёку от стола.

— Понятно, — киваю я, думая о том, что книжку по десмургии¹⁰ стоит и перечитать. Она совсем новенькая — в этом году выпущена¹¹, но в ней очень важная наука о повязках, которая мне понадобится прямо сейчас.

И вот теперь у меня есть возможность увидеть эту науку на практике. По-моему, это очень здорово, а вида ран будущему хирургу пугаться нельзя, иначе каким же я врачом-то буду? Вот так я и думаю, стараясь смотреть не на швы, а на то, что именно делают медсёстры. Вряд ли они мне с ходу доверят что-то делать, но тем не менее даже видеть, что и как делается, уже важно.

¹⁰ Раздел медицины, изучающий технику наложения повязок и шин.

¹¹ Великорецкий А.Н. "Десмургия". Медгиз, 1941

— Лера, смотри, — обращает моё внимание тётя Лена. — Тут важно не перетянуть, чтобы не мешать кровотоку, проверяется качество повязки вот так...

И я внимательно смотрю, ощущая себя как-то совершенно необычно. Скоро и я так смогу, обязательно. Я вижу соответствия между тем, что я читала в книге, и работой медицинских сестёр, и это мне очень помогает запомнить. Хорошо понимая, что у них огромная просто практика, я заучиваю последовательность движений, решив повторить дома на себе.

— Стоп, — командует тётя Лена. — Время обеда, пойдём-ка, — она манит меня пальцем. — Питаться надо вовремя.

Я более чем согласна, к тому же и мама так говорит, а значит, это правильно. Вместе с тем и мне есть уже хочется, потому иду, куда мне показывают. Оказывается, питаться мне предстоит вместе со старшей группой детей, что вызывает их искреннее удивление. Но тут один из пациентов узнаёт меня, рассказывая другим, что я «докторша». И хотя это не так, но мне становится тепло на душе, будто моя мечта исполнилась.

Я конечно, осознаю, что до исполнения мечты ещё много-много лет, но сейчас мне очень комфортно. Пожалуй, в больнице я себя как дома чувствую, очень уж люди здесь хорошие. В Москве я была для них больше пациенткой, а здесь коллега, потому что так Константин Давыдович сказал.

Ну а после обеда начинается учёба. Со мной рядом сидит-

ся тётя Лена и начинает объяснять, какая повязка для чего нужна и как её правильно накладывать. Возражать я и не пытаюсь, ведь учитель распоряжение дал, значит, надо его исполнять. Это мне как раз объяснять нужды нет, я очень хорошо знаю, что такое «надо».

Жизнь больничная

«Здравствуй, Ленка!

Очень рада была твоему письму. Представляешь, почтальон мне его вручила прямо перед отъездом на работу! Правда, прочитать я смогла лишь в обеденный перерыв, потому что учёба моя очень интенсивная. А ещё...»

Я постепенно втягиваюсь, мне даже позволяют перевязывать несложные швы. Привыкаю к дезинфекции их, приучаюсь уговаривать детей, которым это совсем не нравится. А ещё тётя Лена учит меня маленьким хитростям — бинт в кармане халата, например. Хотя сначала я не понимаю зачем, но один случай всё ставит на свои места.

Это происходит во время кормления младших, которое мне уже доверяют. Санитарки меня как дочку принимают, окружая заботой и своей добротой, поэтому учат даже, как правильно кормить, чтобы ребёнок не подавился, например, или не поранился. Так вот, я кормлю девочку Варю, которая прерывисто дышит — боли ещё не угасли, а много порошков ей просто нельзя, когда раздаётся вскрик.

— Что случилось? — вскакиваю я.

— Сиди корми, — строго произносит тётя Лена, наблюдавшая за тем, как у меня получается.

Она отsprавляется к залившемуся слезами мальчишке, отбрасывая одеяло. И тут я вижу кровь, сразу же переместившись, чтобы Варя не видела, но и так, чтобы видеть происходящее. Вот тут я понимаю, зачем нужен бинт в кармане: тётя Лена молниеносно останавливает кровь, попросив кого-то из санитарок за доктором сходить.

— Это кое-кто себе шов расчесал, — мягким голосом сообщает она явно мне. — Такое бывает, и нервничать не нужно. Уже всё остановилось, сейчас и доктор придёт.

Я хорошо понимаю, что в таком случае сама бы растерялась, но продолжаю кормить Варю. Просто представив, что это красные чернила, быстро успокаиваюсь, унимая уже было появившееся головокружение. Тут приходит доктор, и пациента забирают, а я продолжаю кормить ребёнка, хваля её при этом.

— Умница, Варя, хорошо кушает, — ласково улыбаюсь я ей, и вот кажется мне, что даже её боль отступает.

Затем меня хвалит и тётя Лена, рассказывая о том, что дети, бывает, расцарапывают швы, и ещё на своей боли сосредотачиваются, и тогда надо искать подход. К каждому из них очень важен этот самый подход, необходимо искать слова и обязательно их находить. Я же слушаю, запоминая непростую науку.

— Взрослые многое понимают, — объясняет тётя Лена, — а с детьми так выходит не всегда. В этом уже и наша работа...

Сегодня у нас субботний день, а завтра я уже и с Алексеем

встречусь. Неделя прошла как-то совсем быстро, незаметно даже. Да и то — я утром в больницу, вечером из больницы, совсем уже обессилив, как мне кажется. При этом я страшно счастливая из-за своей работы, поэтому и не страшно. Интересно, куда мы пойдём с Алексеем в воскресный день?

Вчера дождик был небольшой и похолодало, а сегодня уже теплынь, но плащ всё равно со мной, потому что утром свежо очень. И хотелось бы в такую погоду просто на улице погулять, но больница мне важнее, только и успеваю ухватить виды города через окно. Постепенно влюбляюсь я в Ленинград. Не знаю, отчего так происходит, но всё роднее он ощущается с каждым днём.

А ещё, конечно, Алексей... Почему-то даже о московских подругах я так много не думаю, как о нём. Отчего со мной такое происходит, не могу сказать, а папа предлагает не спешить с выводами, а лишь смотреть, что будет дальше. Папка очень умный, и ему совершенно точно виднее, поэтому я решаю поступить именно так, как он советует.

— Ну-ка, пойдём со мной, — зовёт меня тётя Лена. — Покажу тебе ещё кое-что.

Я, уже привыкнув к тому, что она просто так ничего не говорит, оставляю заполнение журнала наблюдений — все измерения карандашом написаны, и я их просто пером обвожу, чтобы было красиво, потому что в медицине аккуратность очень важна и неважных дел просто не существует. Особенно в хирургии необходимо быть всегда аккуратной и внима-

тельной.

Тётя Лена ведёт меня в приёмный покой. Здесь я уже была третьего, кажется, дня, поэтому всех и знаю. Обычно здесь товарищ Иванова неотлучно находится — она медицинская сестра приёмного отделения, а вот врачи далеко не всегда. Интересно, что же мне хочет показать моя строгая, но очень добрая учительница? Я недоумеваю, но молчу, уже выучив простую истину: всё покажут и расскажут.

И вот открываются задние двери приёмного покоя, сразу же впуская двоих санитаров, несущих носилки. Тётя Лена останавливает меня, позволяя рассмотреть, как несут, как перекладывают, при этом она молчит, а я просто внимательно наблюдаю, замечая приёмы, которыми санитары пользуются.

— Карета скорой помощи, — объясняет она мне наконец, — доставила пациентку с болями. Что сказать можешь?

— На животе лежит, — замечаю я. — Головой упирается, значит...

— Ну-ка, ну-ка, — слышу я мамин голос позади.

— С желудочно-кишечным трактом проблема, да? — не очень уверенно произношу я, припоминая прочитанное только вчера перед сном.

— Да, доченька, — улыбается мама, не забыв погладить меня по косынке, а затем уверенно движется вперёд, мимо нас. — Срочно в палату поднять! — жёстко приказывает она. Читать мне приходится очень много, каждый вечер я чи-

таю учебники и, хотя ещё не всё понимаю, но уже могу сказать, где примерно проблема. Получается, всё, что я с детства от мамы слышала, что в книгах её читала, оно никуда не делось, запомнившись. Правда, очень часто я не знаю правильного ответа, но продолжаю учиться, а Константин Давыдович меня хвалит, говоря, что из меня хороший врач получится. Радуюсь я этому очень... Ой, а вот и он.

— Что скажешь? — интересуется мой учитель у тёти Лены.

— Запоминает быстро, ошибок мало, с понедельника поставлю на перевязки, — сжато отвечает та. — Поначалу баба Вера присмотрит, а потом и сама справляться начнёт.

— Молодец, — кивает Константин Давыдович. — Пойдём-ка...

Баба Вера — легенда. Она санитарка в пожилом возрасте, но очень мудрая, и всё-всё знает. А ещё она всегда слова правильные находит и для пациентов, и для медсестёр, и для меня тоже, когда что-то не выходит сразу... Всего неделю я в больнице работаю и учусь, а кажется, всю жизнь, отчего так?

Что сейчас будет, я очень хорошо понимаю — испытание от учителя моего. Он устраивает эти экзамены всегда неожиданно и нестандартно, его будто и не волнует теория, а вот практика — практика да. Так что сейчас он что-то придумал интересное, и я даже предположить не могу, что именно. Учитель молчит, не говорит ничего, я же иду за ним, просто умирая от любопытства, хоть и зная — просто не будет.

Кажется мне в эти дни, полные потоков выливающихся на меня знаний и работы в отделении, что весь мир внезапно пропал, в нём остались лишь мама, папа и... Алексей.

За обедом и медицинские сёстры присутствуют, они делятся новостями из газеты, которую я только после работы увижу, поэтому я с большим интересом прислушиваюсь, ухватывая, правда, лишь отдельные фразы. Я ещё под впечатлением только что испытанного. Кажется, учитель решил мне «шоковую терапию», как это мама называет, сделать. Я понимаю этот термин так: нагрузить максимально и посмотреть, что будет.

— Завтра первая экскурсия в Москву состоится, — проносит товарищ Иванова. — Говорят, самолётом повезут прямо утром, а вечером вернут.

А я задумываюсь. Вот сказали бы мне: или экскурсия, или встреча с Алексеем — что бы я выбрала? И вот так задумавшись, понимаю что. Каким-то важным он мне, по-моему, становится, и совершенно необъяснимо. Надо будет, наверное... Хотя нет, папа же сказал, что торопиться нельзя, значит, не буду.

— Двадцать пятого выпускной спектакль, — замечает незнакомая мне санитарка, чуть постарше меня. — Старшая сестрёнка танцевать будет.

Наверное, красиво будет, но я работаю до вечера, так что

потом когда-нибудь, наверное. Ой, надо же в комитет комсомола зайти, спросить, нет ли для меня поручений. Надо потихоньку втягиваться, ведь и об общественной жизни забывать не следует, а то какая я буду комсомолка?

— А вчера, оказывается, гроза была, а мы всё пропустили, — хихикают медицинские сёстры.

— Поздновато она в этом году, — замечает тётя Лена. — Обычно-то в мае, а тут вона как...

Конечно, всё пропустили, особенно я — спала без задних ног. Впрочем, чего я в той грозе не видела? А вот испытание, которое мне пришлось пройти, во мне что-то изменило всё же. Мёртвое тело я видела впервые, да и лекцию о том, как отделять живое от мёртвого, выслушала. Пока я показывала свои знания, представляла, что передо мной кукла лежит. Плакать я дома буду, потому что очень это, на самом деле, страшно, когда поздно.

Мальчик восьми лет терпел боль, никому не говорил по своим каким-то очень важным причинам. Родители его почему-то поднявшейся температуры не заметили, и начался перитонит. Просто поздно оказалось для него, спасти уже нельзя было, и от этого больно где-то внутри. Мама сказала, что рано пока мне показывать эту сторону медицины, но выстояла я хорошо, значит... Значит, предстоит ещё много учёбы.

— Лерку в морг таскали, на вскрытие, — мягко произносит баба Вера, ласково глядя на меня. — Справилась наша

девочка, хоть и трудно было, да?

— Я представляла, что это кукла, — признаюсь ей под понимающим взглядом, — а то бы расплакалась.

— Неправильно это, баб Вера, — вздыхает тётя Лена. — Хоть и виднее ему, но неправильно.

— Учителю виднее, — вздыхаю я.

На самом деле, именно сегодня я увидела, что будет, если кто-то ошибётся, неважно кто. Мне Константин Давыдович не органы показал, а последствия небрежности, вот что он мне продемонстрировал. Именно сегодня, чтобы у меня было время в себя прийти и решить. Но ничего решать не требуется. Я для себя всё давно решила, так что просто запомню. Хирургу придётся с живым телом работать и ни в коем случае не ошибаться, поэтому он прав.

После обеда мне нужно пройти по палатам, проверить соблюдение тихого часа, всё записать в журнал, а затем учитель ещё что-нибудь придумает. На улице тепло, цветочный запах заплывает в окно, у которого я застываю, глядя на проспект, по которому ездят автомобили и трамваи. Кое-где можно и извозчика увидеть ещё. Зелень расцветает повсюду, и небо над этим великолепием синее. Вот бы и завтра хорошая погода была... Так хочется погулять среди радостных по случаю воскресного дня людей.

С трудом оторвавшись от окна и поправив марлю, продолжаю свой поход с журналом, отмечая в нём ситуацию в отделении. Мой труд невелик, но очень важен, потому что

все эти сведения затем в историю болезни ложатся, чтобы быть запечатлёнными навсегда. А история болезни — строго необходимая для любого врача вещь, это я уже выучила.

— А вот и Валерия Георгиевна, — слышу я улыбку в голосе учителя. — Ну что, не обижаешься на меня за экскурсию?

— Нет, Константин Давыдович, — разворачиваюсь я к нему. — Я поняла.

— Умница ты у нас, — он действительно очень по-доброму улыбается. — Ну пойдём, крючки разбирать будем.

— Спасибо! — радуюсь я.

«Крючки разбирать» — это означает разбираться в сложном хирургическом инструментарии и слушать учителя, рассказывающего о каждом предмете. Не только о том, как называется и для чего нужен, но и историю, с ним связанную. Константин Давыдович множество этих историй знает. У каждого крючочка, ножа, ворота есть и имя, и история целая. И слушать учителя можно хоть весь день.

А за окном поют птицы, совсем меня не отвлекая, потому что Константин Давыдович же рассказывает! При этом ещё и книги с собой даёт, живописуя просто сказочное будущее, в которое обязательно однажды вступит хирург Суворкина-младшая. И я очень хочу, чтобы именно так и было, для чего сделаю всё, что в моих силах.

— К комсомольцам... — в ответ на мой вопрос, учитель на мгновение задумывается. — Советую зайти к ним во вторник, как раз будет заседание бюро. Заодно и решат, куда

тебя пристроить, хотя тебе и так хватит нагрузки. Нет ничего важнее, чем спасать детские жизни.

Решив послушаться его, оставляю этот вопрос на будущую неделю, а пока бросаю взгляд на часы, что над дверью в кабинет висят. Скоро уже и домой... Наверное, упрошу маму разрешить мне пешком отправиться... Или нет? Как будет лучше — сейчас прогуляться или отдохнуть хорошенько перед завтрашним днём, в котором обязательно будет солнце и тепло. И Алексей...

Вот бы его спросить, отчего мои мысли всё к нему возвращаются? Но не решусь я, наверное... Надо обязательно с папкой поговорить, он точно знает, как мне себя правильно с Алексеем вести, потому что я теряюсь. Вот что со мной такое, будто мальчишек никогда не видела! Сержусь на себя, конечно, даже очень, но при этом всё равно думаю о нём, особенно улыбка его вспоминается...

— Иди-ка отдыхать, — улыбается мне учитель. — И чтобы в понедельник с новыми силами готова была!

— Обязательно! — я вскакиваю, уже готовая переодеваться и домой. — Спасибо, учитель!

— Иди уже, — его улыбка кажется мне сейчас на папину похожей, очень она понимающая.

И я, конечно же, иду собираться, снимать и сдавать на мойку халат, да и косынку. Затем надо подождать маму, и... домой!

Тот самый день

«Здравствуй, Венька!

Спасибо за письмо, мне было очень приятно. Устроилась я очень даже хорошо, работаю в больнице, меня заведующий отделением товарищ Аглинцев в личные ученицы взял! В общем, смело иду по выбранному пути! Очень рада за тебя, что поступил, ведь ты очень мечтал...»

Вскакиваю я отчего-то даже до будильника, но не успеваю приступить к зарядке, когда слышу странные звуки из коридора. Выскочив за дверь прямо так, в трусах и майке, я вижу папу. С хмурым видом он затягивает ремень, явно собираясь на выход. Но как же так, воскресный же день?

— Папа, что случилось? — подсказываю я к нему.

— В часть вызвали, — отвечает он, погладив по голове, как в детстве, а затем уже и улыбается, — так что хорошей прогулки.

С улицы доносится звук длинного требовательного сигнала, папа надевает фуражку и выскакивает за дверь, оставив меня ошарашенно хлопать глазами. Придя тем не менее в себя, я отправляюсь заниматься обычными делами — зарядкой и умыванием. В прошлый раз, когда его вот так сдёргивали в воскресный день, мы переехали, но мне не хочется

этого. Очень я из Ленинграда уезжать не хочу, потому что полюбила уже город.

— Папу вызвали... — сообщаю я маме, закончив с душем и натянув на себя любимое платье.

Она уже хлопочет на кухне, заканчивая готовить завтрак. В чёрной тарелке репродуктора негромко играет музыка, бодряя, как и положено. С улицы радостно светит солнце, и лёгкий ветерок колышет шторы. Всё кажется вокруг таким спокойным, отчего папин вызов выглядит... странным.

— Случилось у них что-то, — отвечает она, пожав плечами, но я вижу в её глазах тревогу. — Давай к столу. Вечером совершенно точно узнаем.

— Да, — киваю я, усаживаясь, ведь она права.

За завтраком я как-то очень быстро выбрасываю из головы произошедшее утром, потому что во мне зреет предвкушение встречи с Алексеем. Запавший мне в душу курсант, о котором я думаю уже неделю, вызывает странные эмоции. По крайней мере, ранее никогда не испытанные. Вот вечером надо будет позаниматься ещё, а сейчас уже пора скоро будет.

— Не спеши, — говорит мне мама, глядя с улыбкой, на сцену «дочка всасывает кашу». — Никуда твой Алексей не денется, да и тебе больше часа ещё.

— И ничего он не мой! — возмущаюсь я, но она не отвечает, продолжая есть.

— Почувствуешь головокружение — посиди, — напоминает мне мама. — Хоть и не должно уже быть, но акклима-

тизация нам планы подкорректировала.

— Да, мамочка! — киваю я, заканчивая с завтраком.

Кажется мне отчего-то, что сегодняшний день каким-то особенным будет. Может, это от предвкушения встречи с Алексеем, или оттого, что папу вызвали, точно не скажешь, но есть у меня ощущение некоторой необычности. Или чудесности?

Улыбаясь, я заканчиваю с одеждой, решив взять кофточку, а не плащ, а мама, что интересно, совсем не возражает. Наверное, тепло будет, прямо как вчера, а может, и ещё теплее, лето всё-таки. Должно же оно и в Ленинград прийти? Ой, время.

— Я побежала, — сообщаю маме, поцеловав её в щёку на прощанье.

— Хорошей прогулки, — улыбается она мне, провожая до дверей.

Легко соскочив по ступенькам, оказываюсь на улице. Не сказать, чтобы жарко было, но солнце припекает по чуть-чуть, возможно, поэтому я решаю пройтись пешком, а затем уже на трамвае до Дома книги добраться. Наверное, сегодня на проспекте много людей будет, воскресный же день.

Двинувшись уже знакомым маршрутом, иду неспешно, ведь времени ещё очень много, а сердце будто ждёт чего-то необычного, и душа прямо сжимается, хотя никаких поводов к этому нет, даже странно такое моё состояние. Вечером буду маму расспрашивать, отчего такие ощущения могут быть...

Вот и трамвай, сейчас он меня быстро до места домчит, а если долго ждать надо будет, то я, наверное, в сам Дом книги зайду... Интересно, а он открыт в этот день или нет? Всё равно же дома сидеть до нужного времени никаких сил не было, так что нечего и переживать. С этими мыслями я вскакиваю в уже знакомый номер, сразу же оплатив проезд, но далеко не ухожу, чтобы остановку свою не пропустить, город я всё же не очень хорошо знаю.

Вот и ориентир — музей атеизма, значит, мне выходить уже пора. Не глядя по сторонам, смещаюсь к дверям и, стоит им открыться, шагаю наружу. Дом книги, по-моему, не узнать невозможно, навсегда запомнился он мне. Это книжный магазин, причём Ленка говорит, что самый лучший. Надо будет разок сюда заскочить да посмотреть, что там продают. Книга — лучший друг человека, его проводник к знаниям. Ой...

Несмотря на то, что я явно раньше приехала, у самого Дома книги вижу рослого моряка. И вот кажется мне, что это Алексей, хоть и лица его ещё не различаю. Но это точно он — так мне говорит тёплый комочек, внезапно оживший где-то внутри. Совершенно я не понимаю своей на него реакции, но в этот момент, неспешно идя к месту нашей встречи, я отпускаю свои мысли. Вокруг слышен смех, какие-то обрывки разговоров, а я иду, улыбаясь. И кажется мне, что весь Ленинград улыбается вместе со мной.

— Здравствуйте, Валерия, — первым здоровается шаг-

нувший мне навстречу моряк.

— Здравствуйте, Алексей, — улыбаюсь я ему и вдруг, презрев все свои планы, с ходу бухаю: — А давайте на ты?

— А давай, — сразу же перестраивается он. — Погуляем?

— Да, — киваю я, отчего-то слегка смутившись.

Он совсем не изменился с прошлого раза, такой же — в отглаженной форме, в бескозырке, и улыбка у него всё та же. Уцепившись за его локоть и даже не подумав, насколько это прилично вот так, сразу, я уже готова идти. И вот он ведёт меня по улице... Мне это так нравится, что его вопрос я чуть не пропускаю, но нахожу в себе силы сосредоточиться.

— А ты родилась в Ленинграде? — интересуется Алексей.

— Нет, что ты, — улыбаюсь я. — Я и города почти не знаю, — вздохнув, рассказываю свою короткую историю: — Мы сюда переехали, потому что папу перевели. Он военлёт у меня, командир эскадрильи. А ты?

— А я родился в Ленинграде, — он замолкает на некоторое время, будто не желая продолжать, но заканчивает: — Родители недавно совсем погибли.

— Не надо, не рассказывай, — прошу я его, понимая, как тяжело о подобном говорить. — Тебе тяжело очень.

— Да, — сжав губы, произносит Алексей, а затем добавляет: — Спасибо.

— Не за что, — улыбаюсь я ему, подумав о том, что до больницы тут не так и далеко. — А я вот в больнице имени Раухфуса работаю и учусь ещё, конечно.

— Санитаркой? — интересуется он, пропуская вперёд какую-то спешащую пару.

— Младшей медсестрой! — поднимаю я палец свободной руки.

Как-то очень легко мне с ним, даже и не верится. А на стенах видны вывески, напротив через дорогу сквер, который я отмечаю себе как ориентир; мы же идём медленно, разговаривая о Ленинграде. Алексей мне о городе очень интересно рассказывает, поэтому я вся обращаюсь в слух.

Войдя в сквер перед очень красивым зданием, мы с Алексеем усаживаемся на лавочку. Оказывается, это Дворец пионеров такой красивый, а раньше, до Революции, царским был. Вот это чётко показывает, что для советского человека важна забота о детях. Именно поэтому народ и скинул ярмо царей со своей шеи.

— А у тебя увольнительная на весь день? — интересуюсь я у курсанта.

— Почти, — улыбается он. — До восемнадцати ноль-ноль. Так что времени у нас ещё предостаточно.

— Здорово, — я радуюсь этому известию, хоть и не понимаю отчего. — Тогда гуляем?

— Гуляем, — согласно кивает мне Алексей.

Мы разговариваем обо всём на свете, но мне на душе так спокойно, будто я его тысячу лет уже знаю. Вот почему я себя

так ощущаю? Впрочем, папа же сказал не задумываться, вот и я прогоняю непрошенные мысли. А мы гуляем сначала в сквере, а затем выходим обратно на проспект.

— А здесь тоже магазин какой-нибудь? — я показываю на красивое здание, нижняя часть которого раскрыта широкими окнами-витринами. — Или парикмахерская?

— Здесь зубы лечат, — смеётся Алексей. — Стоматология тут расположена.

И это опять же удивительно: сразу и не подумаешь, что здесь врачи работают. А он ведёт меня дальше, показывая на разные дома и рассказывая их историю. Алексей действительно любит Ленинград и рассказывает о нём очень интересно.

— Вот тут как раз магазин, — показывает он на следующее здание с арочными проходами, но вывеску универмага я вижу уже и сама.

Я с большим интересом разглядываю дома, в каждом из которых притаилась своя история. Здесь жили купцы, цари, дворяне всякие, но потом пришёл товарищ Ленин, чтобы сделать Революцию. Трудовой народ поднялся и в едином порыве выкинул этих всех паразитов, для того чтобы мы могли наслаждаться красотой зданий и обустраивать свои магазины — честные, советские. А когда придёт коммунизм и деньги исчезнут, здесь музеи устроят. Так обязательно будет, я верю.

Мы проходим мимо кинотеатра, когда я чувствую под-

ступающую усталость, но ничего, разумеется, не говорю. Но Алексей будто читает мысли — чуть ускоряет шаг, ведя меня куда-то. При этом я совершенно не задумываюсь, куда именно, потому что мне просто внутренне хорошо.

— Зайдём в кафе? — предлагает он, на что я благодарно киваю.

Насчёт денег у курсантов меня папка ещё вечером про-светил, поэтому я не волнуюсь за «платежеспособность», как мама говорит, нового друга, а просто иду, куда он говорит — в прохладное нутро какого-то кафе. Плетёный стул принимает меня, только сейчас осознавшую, что действительно устала. Всё-таки не восстановилась я полностью ещё. Права мама, помешала нам немного акклиматизация.

Заказав мне пирожное и чай, он продолжает рассказывать мне о городе, а я... Я люблюсь Алексеем. Вот ловлю себя на мысли, что откровенно им люблюсь, потому что... Не знаю, почему. Для «любовных томлений», как мама говорит, я ещё юна, по-моему, но вот нравится мне смотреть на Алексея, и всё. И думать даже ни о чём не хочется... Жаль, мы недостаточно знакомы, а то бы фотокарточку попросила. О чём я думаю?

Моментально рассердившись на себя, я прогоняю непрощенные мысли, расспрашивая его о море. Вот о нём Алексей может говорить бесконечно, по-моему. Он так ярко живописует волны и бегущие по ним барашки пены, я будто сама в этот миг оказываюсь среди бушующей стихии. Кафе я даже

рассмотреть не успеваю, так меня увлекает рассказ Алексея. Спроси меня сейчас о цвете стен или люстре, я и не отвечу, наверное. Просто поразительный он парень.

Справившись с изумительным воздушным пирожным, я допиваю чай, получая огромное удовольствие от нашего разговора. И только закончив, понимаю, что уже достаточно отдохнула, чтобы идти дальше. Алексей после оплаты поднимается, подаёт мне руку, после чего мы выходим на улицу, где, кажется, ещё люднее стало. Женщины в платьях, мужчины в летних костюмах, чинно идущие рядом со взрослыми дети — всё это выглядит праздничным, но одновременно и привычным, как будто теперь праздник будет каждый день, что, конечно, не так... Но мне хочется верить, очень хочется!

— Можем в кино сходить, если хочешь, — предлагает мне Алексей.

— Если ты думаешь, что я могу заскучать, не обманывай себя, — строго говорю я ему и, не выдержав, счастливо смеюсь.

— Ну, тогда пошли, — кивает он, никак не комментируя сказанное мной.

— День какой прекрасный, — признаюсь я Алексею. — Который час, полдень есть?

— Даже чуть больше, — кивает он на незамеченную мной раньше тумбу, на которой действительно обнаруживаются часы. Получается, больше трёх часов уже гуляем, а я и не заметила совсем.

И вот мы идём, уже свободно улыбаясь друг другу, будто что-то переменялось в нас самих. Такое у меня ощущение возникает, но при этом я думаю повернуть в сторону сквера и просто посидеть спокойно, потому что усталость может возникнуть внезапно, мама сколько раз об этом говорила. Алексей идёт спокойно, при этом будто страхует меня, глядя, чтобы никто не обидел. И столько в его жестах папиного, что я просто за каменной стеной ощущаю себя.

Наверное, я ещё цепляюсь за мгновения, когда всё ещё понятно и радостно, но уже прерывается музыка, льющаяся из репродукторов, и звучит сигнал: «Внимание всем». Хорошо известный сигнал, все важные объявления начинаются именно с него, а у меня отчего-то холодеет сердце. Будто само по себе, оно на мгновение замирает, чтобы понестись вскачь, а из репродуктора уже звучит хорошо знакомый всем голос товарища Молотова.

— Граждане и гражданки Советского Союза! — торжественно, как мне в этот момент кажется, звучат его слова. — Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление.

Кажется, замирают все. Все люди останавливаются, открывают двери трамваи, а я, кажется, даже и не дышу. Проходят тягучие мгновения, тишина, кажется, охватывает весь город, а люди подаются ближе к ретрансляторам.

— Сегодня, в четыре часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления

войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбёжке со своих самолётов наши города — Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причём убито и ранено более двухсот человек. Налёты вражеских самолётов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территории¹², — звучит голос товарища Молотова, делающего паузы, кажется, после каждого слова.

Я, конечно, знаю, немца легко прогонят, а румыны с финнами горько пожалеют, но вот сейчас мне отчего-то страшно становится. И Алексей, будто почувствовав моё состояние, обнимает меня за плечи таким папиным жестом, что меня отпускает страх грядущего.

«Враг будет разбит, победа будет за нами!»

¹² Выступление Молотова по радио 22 июня 1941 года в 12:15.

Ваше место тут

«Здравствуй, Вика!

Письмо от тебя подзадержалось, поэтому уже не так важно. Все наши детские заботы уже в прошлом. Сейчас нам нужно выполнять приказы Советского правительства. Мы, комсомольцы, нерушимой стеной встанем на пути трусов и паникёров! Вот увидишь, немца скоро погонят, а потом в Берлине...»

Вчерашний день немного в памяти смазался. Алексея я проводила до трамвая. Пока ждали, что-то странное между нами происходило. Мы просто стояли и смотрели друг другу в глаза, а потом я ему мой адрес дала, и он мне свою почту на клочке бумаги записал. Видно, что он настоящий моряк — даже карандаш нашёлся, а у меня не было. А потом его увез трамвай, а мне в другую сторону надо было, в больницу.

Из больницы меня направили домой, а ночью завывала сирена, напугав всех, но ничего не случилось. Она выла и выла, но на этом всё и завершилось. И вот теперь я просыпаюсь от непростого сна, в котором только серая туча над городом и тихо, как будто нет никого.

Быстро поднимаюсь, занимаюсь и спешу в душ, война рас-порядка не отменяет, наоборот. Теперь я понимаю, почему

вызвали папку — в обращении о Финляндии сказали, а она совсем рядом, в двух шагах. Выскакивая из ванной комнаты, я слышу радио, уже ожидая победных речей, но их нет. Мама при этом невесела, и мне понятно отчего: о папе беспокоится, и это нормально. Волноваться за близких — не паникёрство.

— Доброе утро, мамочка, — я чмокаю её в щёку, садясь за стол.

— Доброе, дочка, — улыбается она, накладывая мне гречневую кашу с мясом. — Ешь.

— Спасибо, — киваю я, отпивая чай из стоящей тут же чашки.

Обычный утренний разговор немного успокаивает мои мысли, настраивая на обычный лад. Я ем быстро, слушая краем уха радио, а мама в это время рассказывает о том, что теперь многое изменится, но несильно, потому что, несмотря на близость финнов, Ленинград — тыловой город, но у нас работы будет больше.

— А почему будет больше? — не понимаю я с ходу.

— А потому, доченька, что многие в армию уйдут, — объясняет она, погладив по голове. — Так что и учиться тебе надо будет лучше, и работать.

— Я от работы никогда не бегала! — возмущаюсь я.

— Ты у меня молодец, — соглашается она.

В окно видны облака, время от времени расходящиеся, чтобы показать солнце. Оно солнечным зайчиком скользит

по скатерти нашего круглого стола, будто приветом от папы. И принимаю я его, как папин привет — тёплый и ласковый, но твердый, как его руки. Там, в небе, ведь он защищает нас, закрывая от врагов.

— Собираемся, — мама напоминает о времени, я быстро заканчиваю с кашей и через несколько минут уже готова. — Плащ возьми.

— Да, мамочка, — я и не думаю спорить, ведь мама не может ошибаться.

Спустя некоторое время мы уже в машине. Водитель — незнакомый — хмур и молчалив. Мне тоже не особо разговаривать хочется, потому что неизвестность же. Я-то ждала, что прямо с утра нам расскажут о том, как наша могучая армия громит врага на чужой территории, а на деле об этом молчок. Надеюсь, в больнице узнаем новости. Вот в таком настроении мы и доезжаем, заходя в полный людей вестибюль, что меня, разумеется, удивляет.

— Товарищи, внимание! — вперёд выходит незнакомый мне доктор, но мама тихо объясняет: это главный врач.

И вот тут нам зачитывают приказ о военном положении, ну и о мобилизации. Вот тут я жалею, что мне четырнадцать всего — не возьмут меня, а то я бы с радостью пошла бить врага! Это же ненадолго — на пару месяцев, как раз до первого сентября успела бы, а пришла бы уже в школу медицинскую вся в орденах такая... Эх...

— Товарищи хирурги! — строго смотрит на нас самый

главный доктор. — Чтобы у вас не возникало никаких мыслей, у вас, как и у работников скорой помощи, фронт определён раз и навсегда — вы нужны здесь!

— Это логично, — кивает мама, что-то пока неясное мне, понимая. Но я доверяю её мнению, поэтому только вздыхаю.

Что означает «военное положение», мне не слишком понятно, однако внимательно слушаю и запоминаю. Врачи отправляются к учителю, меня же уводит тётя Лена. Я растерянна, но быстро прихожу в себя, надеваю халат, повязываю свою косынку, и вот уже медицинская сестра стоит, готовая к труду и обороне. Тётя Лена удовлетворённо кивает.

— Пошли градусники собирать, — командует она, а затем без паузы продолжает: — Пугаться не надо, мобилизация вполне логична. Вот у нас из больницы больше ста человек уходят, а нас не берут, потому что наше место тут.

— Я знаю, что мы скоро победим, — киваю я, следуя за ней, хотя дело мне уже знакомо — нужно градусники собрать, зафиксировать температуру, и если у кого-то она выше определённого значения, то известить врача или тётю Лену.

— Конечно, победим, — уверенно отвечает она, продолжая живописать расписание на сегодня: — После градусников идёшь в процедурную на перевязки. Всех ходячих обрабатываешь, а я лежачих уже, поняла?

— Поняла! — отвечаю я, уже вполне уверенно себя чувствуя.

Ну военное положение — это оттого, что финны близко, а мобилизация — чтобы быстро прогнать гитлеровца, и всё. Надо же быстрее прогнать, до первого сентября управиться, чтобы в школу дети пошли. Раз немцы наши города бомбят, то сами виноваты. Правда, что такое «бомбят», я себе и не представляю, наверное. Впрочем, сейчас надо думать о другом — о градусниках.

И я захожу в палату, улыбнувшись младшим. Кровати с высокими бортами, три-четыре их на палату у нас, дети смирно лежат и скучают. Надо начинать с первой послеоперационной, потому что у них лихорадка очень плохие вещи значить может, затем вторая, где выздоравливающие, и в подготовительную. Вынуть градусник, зафиксировать, погладить, записать. Журнал у меня в руке, и дети улыбаются мне в ответ, на улице не так солнечно, как вчера, но это и хорошо — не будет душно.

Закончив с градусниками, я с журналом к тётё Лене иду — ей мою работу проверить нужно, ведь я младшая медсестра. И по званию, и по возрасту самая младшая получаюсь, и от этого настроение как-то само собой поднимается. Забавно просто получается...

— Ага, — кивает тётя Лена, быстро просмотрев журнал.
— Молодец, Лерка.

— Теперь в манипуляционную? — стараюсь я назвать помещение правильно.

— Да, пожалуй, — соглашается она, отпуская меня. —

Можешь чуть передохнуть и обязательно дождись бабу Веру!

— Конечно, — коротко отвечаю я, потому что мне два раза повторять не нужно.

По-моему, ничего у нас в больнице не изменилось, всё как всегда: врачи работают, и мы тоже трудимся. Дети выздоравливают, а на улице песни слышны. А! Это бойцы Красной Армии идут. Мне из окна виден кусочек красивого строя, но времени их разглядывать совсем нет — нужно работать идти, а не то заругают же! А я не люблю, когда меня ругают, от этого плакать сильно хочется, поэтому стараюсь делать всё вовремя и правильно.

Во время обеда радио транслирует речи товарищей. И звучит раз за разом в их голосах уверенность в том, что враг будет разбит. А я задумываюсь, ведь в висящей здесь же газете написано о незначительных «тактических успехах противника», но это значит, что не на чужой территории? Спрашивать и выдавать свои мысли я, впрочем, не спешу, ведь я комсомолка и должна быть образцом для подражания, а не панику разводить.

Многие идут добровольцами, потому что мобилизация не трогает молодых, а хочется защитить страну, но я маленькая ещё, да и не отпустили бы меня — медсёстры и тут нужны. Медсёстры и санитарки обсуждают статьи, а баба Вера с печальными глазами сидит, как будто знает что-то, нам недо-

ступное. А может, и знает, она очень много же в жизни видела.

— Суровкина! — слышу я голос учителя, подскакивая на стуле. — После обеда ко мне зайдёшь!

— Да, Константин Давыдович, — подтверждаю я, что услышала.

Он сразу же куда-то уносится, а я решаю пока ни о чём не думать. Повлиять на происходящее даже со мной я не могу никак, поэтому не нужно много раздумывать — не случилось же ничего. Наверное, сам факт начавшейся войны вызывает беспокойство, причём я, кажется, больше о папе беспокоюсь. И об Алексее тоже, ведь он же моряк, хоть и курсант...

Каким-то необыкновенным было наше вчерашнее прощание с ним. Никогда со мной такого не было, поэтому, наверное, и волнует. Такой дружбы в моей жизни не было, только обычная, да и не с мальчиками. Откуда я знаю, может быть, с мальчиком очень даже правильно дружить именно так?

— Лерка, не спи! — напоминает мне о недопитом чае тётя Лена, контролируя едящих детей.

— Ой, — только и произношу я, залпом допивая.

Оказывается, я так и сижу, замерев, со стаканом в руке. Быстро отнеся поднос, почти бегом отправляюсь к учителю. Бросив взгляд в окно, вижу вполне привычную картину, понимая, что сама себе напряжение и придумала. В небе пролетает серебристый самолёт, заставляя меня улыбнуться —

папка летит, защищает нас всех. Это может быть, конечно, и не он, но мне хочется думать, что это папа. И, решив так, иду дальше.

— Здравствуйте, Константин Давыдович, — постучавшись, я вхожу в знакомый кабинет, в котором и мама обнаруживается.

— Здравствуй, Валерия, — кивает он мне в ответ, при этом встаёт из-за стола, и мама одновременно с ним зачем-то встаёт. — Пойдём-ка со мной, закон нарушать будем.

Я совершенно не понимаю его слов, но мама с улыбкой кивает, значит, учитель шутит. Мы выходим из кабинета, а я удивляюсь: опять что ли экзамен? Но идём мы в сторону... «Административной» части, как её тётя Лена называет, и вот тут мама мне вполголоса принимается объяснять, что сейчас будет и зачем это нужно.

— В четырнадцать ты ребёнок, — объясняет она мне. — В военное время могут отослать в школу, но ты хорошо работаешь и очень скоро будешь нужна тут. Возражения есть?

— Нет, конечно! — я даже возмущаюсь, потому что учиться медицине интересно, но работа же...

— У тебя день рождения в декабре, — напоминает она мне, а я никак не комментирую это, ведь не зря же мама озвучивает известные факты? — И исполнится тебе шестнадцать, а это значит, что ты вполне можешь тут работать.

— Пят... — хочу я её поправить, но в этот самый момент понимаю, что она хочет сказать: документы исправить, что-

бы меня уже не выгоняли, раз совсем скоро шестнадцать.

Сначала я хочу возмутиться нечестности этого шага, ведь получается, я врать буду, но затем призадумываюсь. Здесь и Константин Давыдович, и мама, они-то точно что-то знают. И, видимо, мой возраст должен защитить моё рабочее место. Значит, учитель хочет, чтобы я продолжала работать, и мама не возражает. Но мама ошибаться не может, поэтому я не буду возмущаться — им виднее.

— А как комсомол? У них же карточка... — не понимаю я.

— Комсомол не возражает, — вздыхает Константин Давыдович. — Некому там практически возражать.

И вот так мы доходим до отдела кадров, в котором всё уже готово, я расписываюсь, где сказано, мама тоже, всё это делается очень быстро и почти без слов. Мама права — я-то буду помнить, сколько мне на самом деле лет, а потом можно будет и обратно исправить. Главное же, чтобы не посчитали, что я сюда играть пришла, и не отослали. Ведь я действительно же работаю... Вот какие-то такие у меня мысли, я себя так успокаиваю, наверное.

— Барышня, не кукситесь, — улыбается мне пожилая дама в отделе кадров. — Не вы одна такая умная, кому нужно — те знают, а для кого не нужно — вам пятнадцать.

— Спасибо, — киваю я ей. И хотя я и не думала плакать, но на душе действительно полегче становится.

— А теперь, — говорит учитель, когда мы покидаем ка-

бинет, — Валерия Георгиевна отправляется в распоряжение старшей сестры, а мы с Елизаветой Викторовной на партийное собрание. Вопросы есть?

— Вопросов нет, — констатирую я, потому что действительно нет у меня никаких вопросов. У меня даже мыслей — и тех нет!

И я, конечно же, иду к тётё Лене, отлично зная, что сейчас будет, ведь она же говорила. И действительно, спустя четверть часа иду уже скучать в приёмное отделение. Учитель считает, что я должна очень хорошо понимать, как работает больница. Несмотря на то, что я в хирургии, мне нужно видеть, как прибывает пациент, и кто решает, куда именно его направить.

Ну, кто решает, я, положим, знаю — врач, но может так статься, что врача не будет, и тогда придётся мне принимать решение. Почти невозможная ситуация, но раз Константин Давыдович говорит, что так нужно, значит, нечего долго думать. А вот вечером...

Вечером, незадолго до конца рабочего дня, к нам приходит военный какой-то. Он о чём-то долго говорит с учителем, а потом и с другими докторами, а со мной сталкивается уже, когда уходит. Его лицо вдруг суровеет, он делается очень сердитым, отчего я пугаюсь.

— А дети что здесь делают? — строго спрашивает он тётю Лену.

— Это наша младшая медсестра, — отвечает она. — Ей

в декабре шестнадцать.

— То, что младшая, я вижу, — вдруг улыбается этот военный. — Молодец, девочка.

И затем уходит, а я понимаю, как был прав Константин Давыдович, потому что уволили бы меня по законам военного времени, и всё, мечта бы отодвинулась. И хоть до конца войны пара месяцев всего, но терять их мне очень не хочется. Так что спасибо подумавшим обо мне взрослым.

Прощай, папа

«Здравствуй, Вика!

Получила твоё письмо и хочу сказать, что ты не права. Виктор решил правильно: идти бить фашистских захватчиков — то, что и должно делать настоящему комсомольцу! Неужели ты влюбилась? Он намного же старше, взрослый уже...»

Вчера у нас комсомольское собрание было, провожали наших комсомольцев, говорили о том, что враг будет разбит. У нас тоже изменения — светомаскировка вводится, и на работу мы теперь с мамой будем на трамвае ездить. Не сегодня, но с завтрашнего дня уже точно, потому что до первого июля все машины, кроме скорой помощи, передаются на нужды армии.

Вчера в сводке вместо сообщений о занятии каких-нибудь городов, наоборот... Но я, конечно, молчу, хотя тревожная сводка получилась, на мой взгляд. А больше новостей нет. Сегодня третий день Отечественной войны, как её назвал товарищ Молотов, а у меня изменений никаких — зарядка, душ, завтрак... Только одно изменение есть — в репродукторе звучит сводка информационного бюро. Говорят, создали специально, чтобы советских трудящихся вовремя ин-

формировать о ходе войны. Вот такое заботливое советское правительство, ни у кого такого больше нет.

— Быстрее ешь, — напоминает мама о времени, на что я киваю.

У меня сегодня много практики, просто очень много. Мне тётя Лена это твёрдо обещала и даже расписание до обеда показала — градусники, дезинфекция процедурной, потом перевязки... В общем, времени ни на что не будет. А вот после обеда будет сюрприз уже от учителя. Так что я быстро доедаю, хоть и думаю о том, что нас ждёт. Сводка звучит из чёрной тарелки репродуктора, и поначалу я её даже не воспринимаю.

— Много самолётов потеряно, — замечает мама, вздохнув. — Папу могут перевести.

— Ой... Чтобы он бил фашистов? — реагирую я, представляя, как здорово будет, когда папка с победой вернётся.

— Чтобы он бил фашистов, — улыбается мне мама. — Ну что, готова? Ночью был дождь, так что похолодало.

— Ага, — киваю я, выбирая пальто, а не плащ.

Если мама говорит, что похолодало, значит, уже проверила этот факт. Увидев её удовлетворённый кивок, ставлю себе мысленно плюстик. Всё правильно я сделала, потому надеваю туфли и уже совсем готова, как и просигналивший с улицы автомобиль. Мама тем временем спускается вниз, ну и я за ней, поздоровавшись по дороге с Ленкиной мамой.

— Это куда ж ты поскакала? — удивляется та.

— Я в больнице медицинской сестрой работаю, — радостно отвечаю ей и прямо на её глазах в машину ныряю, оставив соседку удивлённо хлопать глазами.

— Сегодня в последний раз едем, Елизавета Викторовна, — вместо приветствия произносит шофёр. — Завтра уже уеду я с нашей ласточкой в распоряжение фронта.

— Ничего, это ненадолго, — улыбаюсь я, не видя в этом ничего страшного. — Пару месяцев на трамвае поездим!

Он кивает, но чудится мне отчего-то, что не верит в то, что все газеты трубят. А может, мне это действительно только кажется, ведь может же такое быть? И я погружаюсь в свои мысли, вспоминая папу. Он совсем рядом, но кажется, что далеко очень, и отчего у меня вдруг такие ощущения — совершенно непонятно. Наверное, я просто соскучилась. Но тут же перед мысленным взором встаёт Алексей, каким он был в воскресный день. Его необыкновенные глаза просто завораживают... Отчего я о них думаю? Война началась, а я всё о своём... И не идёт он никак из головы, просто совершенно.

Вот и знакомое здание, я спешу переодеться, ведь пора работать. Стучу туфлями на лестнице, как барабанная дробь, радостно здороваясь со всеми, кого вижу. Кажется, вся жизнь моя сжимается до больницы, и нет ничего за её окнами, которые сейчас уже закрывают тяжёлыми шторами, чтобы обеспечить светомаскировку. Несмотря на то, что город считается тыловым, но приказ однозначен.

— Здравствуйте, тётя Лена! — приветствую я свою учительницу, за прошедшие дни ставшую почти подругой. — Я за градусниками?

— Давай помогу, — произносит она, подтягивая затем завязки халата. — Вот так, хорошо, иди.

Халат надеваю я в её комнате, потому что отдельной сестринской у нас нет. А в Москве была, кстати, насколько я помню. Комната у неё совсем небольшая: стол у стены, чайник на нём, два стула, и всё. То есть совсем всё, только стены. Впрочем, мне сюда только одеться, а вечером раздеться, поэтому меня окружение и не заботит. А пальто я в гардеробе оставляю, как и туфли, ведь для больницы тапочки предназначены.

Меняется облик города, мы сегодня из машины видели — маскировка появляется, отчего мне, наверное, скоро трудно ориентироваться будет. Наверное, я справлюсь, ведь отчего бы не справиться? К тому же мы с мамой ходить станем, а она совершенно точно не заблудится, ведь это же мама.

И вот я беру журнал и иду к нашим малышам и тем, кто повзрослее. Каждого погладить, расспросить, ведь скучно им тут одним лежать, записать температуру. Нравится мне это дело, ведь очень важное оно. Вот у нас Анечка пяти лет с оперированным животом. Аппендикс ей вырезали, хорошо перенесла и выздоравливает быстро. А вот Витя, у него проблема посложнее была, и выглядит он не очень — румянец на щеках, а глаза совсем невесёлые. Я достаю градусник, сра-

зу же заметив, что не ошиблась.

— Полежи спокойно, я сейчас вернусь, — я глажу его по голове, а сама спокойно и не торопясь из палаты выхожу. Нельзя торопиться — дети невесть что подумать могут и испугаться. А кому это нужно?

Я спешу даже не к тётё Лене, мне учитель нужен — под сорок лихорадка у Витеньки, это очень-очень плохо. Может значить, что воспаление началось. И я, требовательно посту- чав, не ожидая ответа, вхожу в его кабинет под прицел глаз наших докторов. И мама тоже здесь, вмиг построжевшая — она-то меня хорошо знает, потому поднимается ещё до того, как я говорить начинаю.

— Учитель, у Вити лихорадка, — произношу я, протяги- вая градусник.

— Лихорадка... — медленно повторяет он за мной и рез- ко встаёт из-за стола. — Ну, побежали, смотреть будем.

Меня никто, разумеется, не ругает за то, что отвлекла взрослых от работы, ведь детская жизнь важнее. Константин Давыдович не устаёт повторять мне, что важнее всего для нас именно жизни детей. А вот похвалить успевают, кажет- ся, каждая из докторш меня хвалит, ну а потом начинается у них работа. Витю в отдельный бокс забирают, есть у нас та- кой — специальный, а мне нужно дальше делом заниматься.

— Отчего плачется Наташе? — интересуюсь я.

— Ножка болит, — отвечает мне шестилетняя девочка с оперированной ногой. — Ноет и стреляет.

Температура у неё нормальная, поэтому я отмечаю в журнале, что ребёнок на боль жалуется, и глажу её, успокаивая. Она и сама всё понимает, но всё равно плачет, ребёнок же. После завтрака дадут ей порошок¹³ и пройдёт боль, ненадолго, но пройдёт. Ничего тут не поделаешь — бывает.

День пролетает совершенно незаметно, учитель под конец экзаменует и каждый раз удовлетворённо кивает — нравится ему то, что он слышит. Ещё и тётя Лена меня очень хвалит, даже до смущения. А я просто стараюсь показать, что не зря мне такое доверие оказали, что даже на обман пошли. И, кажется, получается у меня.

— Очень быстро учится, Константин Давыдович, — это тётя Лена говорит. — Перевязки освоила, теорию и по сложным, с практикой мы пока не начинали...

— Значит, с завтрашнего дня начинайте, — кивает мой учитель. — А как привыкнет к виду крови и ран, будем и к столу приглашать.

— Операционной сестрой? — удивляется она, да так явно, что мне уже очень любопытно, что это такое.

— Пока только посмотреть, в обмороке полежать, — смеётся Константин Давыдович. — А там посмотрим на её поведение.

¹³ Большинство болеутоляющих, особенно для детей, были именно в форме порошка, а не пилюль.

— А зачем в обмороке? — удивляюсь я, но мне не отвечают, отчего я понимаю, что они шутят.

Вот так и проходит день. Я по коридору белому, дверьми украшенному, туда-сюда, в процедурной, которая заодно и перевязочная, ну ещё лизолом её сегодня мыла. Мыла и плакала, потому что запах у него такой, что прямо слезу вышибает. Но тётя Лена говорит, что все поначалу плачут и нет в этом ничего страшного. А вот то, что я сама вызвалась помыть, ей понравилось. Оказывается, могла на санитарку оставить, только не знала об этом. Но, выходит, хорошо, что не оставила...

— Ну что, домой? — интересуется мама, на что я, уже снявшая халат, только киваю. Сил вообще никаких нет, день очень непростым был.

Мама в костюме сером, на котором ромб светится — медицинский институт, а у меня пока никаких знаков нет, но обязательно будет. Нам с мамой, кстати, бумагу выдали о том, что мы в больнице работаем. Зачем она нужна, я не знаю, но учитель наказал всегда с собой иметь и не терять, поэтому я просто выполняю его указание. Наверное, чтобы патруль не принял за праздню шатающуюся? В Ленинграде на улицах патрули появились, как в фильме про Революцию!

И вот мы выходим из здания, направляясь к трамвайной остановке. Я бы и пешком, наверное, прошла, но сегодня очень уж устала, поэтому нас ждёт наш номер... Точнее, мы его ждём, хотя людей на остановке и немного совсем. Это по-

тому, что у нас работа заканчивается не тогда, когда у всех. Вот и он подходит, светлого цвета поверху, а понизу бордовый, кажется. Но разглядывать трамвай у меня желания нет, поэтому я, проследив, чтобы у мамы было место, плюхаюсь на твёрдую скамью.

А трамвай даже, кажется, тише едет. Я прислоняюсь к машиному плечу и вспоминаю о том, как эти улицы выглядели совсем недавно. Город маскируют, это очень хорошо заметно. Значит, ожидают врага? Или просто так положено? Не знаю, насколько безопасно о таком спрашивать — военное положение же. Помню, лет десять мне было, когда мне строго-настрого много болтать в школе запретили, хотя ни о чём таком дома и не говорили...

Вот и наша остановка приближается, я узнаю её, поднимаюсь на ноги, ну и мама тоже. Наверное, она город уже много лучше меня знает, вот и сейчас показывает мне на следующую остановку. Тут, на самом деле, можно и пешком, но мама же тоже сильно устала, потому и правильно, если трамваем. Наверное, поэтому я и не спорю, замечая между делом, как меняется город. Не только внешне, он будто суровеет, строгим становясь, как в фильмах про товарища Ленина. И вот это изменение мне дарит уверенность в себе и своих силах.

Наверное, странно, почему именно так, но сил задуматься у меня нет. Мы сейчас домой идём, но я ускоряю шаг, даже поначалу не поняв, что вижу: возле нашего дома сто-

ит полуторка, и кажется мне, что это папина. Наверное, поэтому я бегу со всех ног, влетаю в парадное, изо всех сил стремясь попасть домой. И действительно, прямо в прихожей стоит папка, на которого я с визгом налетаю.

— Задушишь, — хрипло произносит он, а я ойкаю и ослабеваю захват.

— Папка! — я не могу сдержать своей радости. — Ты голодный? — сразу же спрашиваю я.

— Нет, дочка, — он вздыхает и переносит меня в комнату. — Переводят меня из Ленинграда.

— На фронт... — понимаю я. — А... мы?

— А вы тут, — отвечает мне мой папа, улыбнувшись. — Здравствуй, милая!

И сцена повторяется, только на него мама налетает. Я вижу их любовь, в этот момент чувствуя тепло и не осознавая ещё сказанного им. Но затем мы садимся рядом, и папка начинает рассказывать: его переводят, полуторка внизу за ним, она отвезёт на аэродром. Это значит, что мы больше чем на неделю расстаёмся.

— Не грустить, не плакать, — строго говорит мне самый дорогой на свете человек. — Всё будет хорошо, я скоро вернусь. Договорились?

— Я постараюсь, — негромко отвечаю я папе, потому что не уверена в том, что смогу.

— Помогай маме, — папа смотрит на меня, будто наглядеться не может, ну и я на него, конечно, тоже. — Я привёз

фанеры, Лиза, — это он к маме обращается. — Если вдруг, то лучше выставить стекло и заменить его, раз уж всё равно светомаскировка.

— Справимся, — кивает ставшая очень серьёзной мама. — Ты думаешь...

— Всё возможно, — тяжело вздыхает он. — Мы постараемся поскорее прогнать фашиста, но возможно всё.

Такой уж он, мой папа — всё на свете старается предусмотреть. Наверное, это правильно, и однажды я тоже такой стану. А ещё он нам оставляет свой временный адрес, потому что куда именно попадёт, совершенно не знает. Ну это понятное дело — военная тайна. И вот сидим мы всё отпущенное нам время, я на папиных руках, не в силах его отпустить, пока с улицы сигнал не доносится. Это значит, пора...

— Пора, — вздыхает он, аккуратно ссаживая меня, а затем крепко маму обнимая. — Держитесь тут. Да, Лерка!

— Да, папа? — вскидываю я на него взгляд, в котором уже всё немного плывёт из-за собравшихся слёз.

— В воскресенье на Балтийский в шесть утра заскочи, будет тебе сюрприз, — сообщает мне папка, и я понимаю, почему — Алексей.

— Спасибо, папа! — и я снова обниматься лезу, ну и мама тоже.

Вот папа берёт свой чемодан, а мы с мамой его, конечно же, провожаем. Стараясь не плакать, сдерживать слёзы, чтобы никто не увидел, мы провожаем на фронт самого дорогого

и близкого человека. Я не замечаю ни лестницу, ни дверей, ни даже бойцов, только он перед моими глазами. Папа же забрасывает чемодан в кузов полуторки, затем опять обнимает нас с мамой, торопливо расцеловав, и прыгает туда же, в кузов. И хотя командиров в кабине возят, я понимаю, зачем: пока не скрывается машина за поворотом, он машет нам с мамой рукой.

Боевое крещение

«Здравствуй, папа!

Всего несколько дней, как ты уехал, а я скучаю так, как будто тебя год не видела. Пиши, пожалуйста, как ты? Как ты бьёшь фашистов? Не буду спрашивать, скоро ли прогонишь их, хотя уверена, что все они будут уничтожены! Пиши, папочка...»

Столько событий за несколько дней. Во-первых, сводки. В них начали появляться слова «отступили» и «оставили». Редко когда, но они есть, причём относятся не к фашистам. Это может значить, что не всё так безоблачно, как может показаться, но я всё равно изо всех сил верю, ведь иначе просто страшно становится.

Писем от папы пока нет, но почта может очень по-разному работать, так что я не волнуюсь. Ну почти не волнуюсь... Ну, ладно, убеждаю себя, что беспокоиться не о чем, ведь это папа, с ним ничего не может случиться. Хотя в ночь его отъезда наплакалась я. Даже маму напугала своим детским рёвом, отчего потом стыдно было. Она сказала, что напряжение так вышло и не надо задумываться.

Я завтракаю, слушая сводку, от которой невесело совсем, потому что наши войска «продолжали отход». Причина от-

хода этого может быть очень важной, но это точно не «могучим ударом, на чужой территории», а значит, война может затянуться. Мы, конечно же, победим, и враг будет разбит, в этом нет никакого сомнения, но война затянется, а значит, папку я позже увижу. И это, конечно же, грустно.

Отчего папа мне про вокзал сказал, я понимаю, не маленькая же — Алексея тоже на фронт отправляют. Он же настоящий советский человек, потому прохладиться точно не сможет. Значит, у меня будет возможность его увидеть. Неизвестно, как папе удалось это узнать, но и здесь он позаботился обо мне. Вот такой у меня папа — самый-самый. Но это будет завтра, и надо не забыть будильник поставить, потому что раньше четырёх утра нельзя, а в пять уже можно, чтобы до вокзала добраться.

Вот я доедаю, обняв затем погрустневшую маму. Она тоже о папе думает, но и обо мне, поэтому спустя несколько долгих минут мы выходим. Несмотря на то, что все учреждения работают с восьми тридцати, больниц это не касается. А автомобилей скорой помощи вообще ничего не касается, потому что они жизни спасают. Вот, всего за несколько дней у меня и настроение меняется, а ведь и неделя не закончилась. Ну дольше займёт, так дольше, потерплю, что я маленькая, что ли?

— Пойдём, мамочка, — зову я маму на выход. — Тепло обещали сегодня?

— Да, тепло будет, — кивает она, встряхиваясь. — По-

шли, дочка.

И мы, как и каждый день теперь, выходим из дому. Небо сегодня синее — ни облачка, солнышко с него светит яркое, отчего даже не верится, будто что-то может быть плохо. А в трамвае люди о какой-то повинности шушукуются. Я ловлю краем уха разговоры о том, что каждый теперь будет руками на благо города работать, и недоумеваю — прямо каждый? Мама же чуть улыбается краем губ. Чего она улыбается, я понимаю уже в больнице — нас всех собирают, чтобы что-то объявить. При этом не главный врач объявляет, а военный, насколько я вижу, в высоком звании. Рассмотрев знаки на его форме, я понимаю: это политическое управление.

— Товарищи! — обращается он к нам. — Вы все прочитали сообщение о введении обязательной трудовой повинности. Этот шаг необходим на случай, если финны предпримут атаку на город, кроме того, нам нужно быть готовыми и к обороне.

— Вот прямо так? — удивляется кто-то, кого я не вижу.

— Но вы должны понимать — врачи, медсёстры, санитары — вы все мобилизованы по закону военного времени, — продолжает командир из политуправления, — поэтому призваны на трудовую повинность быть не можете. Надеюсь, это закрывает все вопросы.

— А что, кто-то волновался? — всё тот же голос полон удивления.

— У вас полбольницы уже записалось, — вздыхает до-

кладчик. — Так что заканчивайте с митингами и идите работать. Ваша работа не менее важна!

Вот оно что... Да, я понимаю, если бы спросили — с радостью согласилась бы, но что было бы тогда с детьми? Вот это очень большой вопрос. А хирургам вообще нужно руки постоянно беречь, ведь это их основной рабочий инструмент. Поэтому всё правильно получается.

Мама уходит по своим врачебным делам, а меня ждут градусники. А потом надо будет покормить лежачих, их немного, но они есть. Затем... ну начну с привычного занятия, то есть одеться правильно. В этот раз тётки Лены нет, но я уже и сама отлично справляюсь. Кажется мне, что всё у меня получается, к тому же практика такая — с утра до ночи, очень помогает.

— Валерия, после градусников зайдите ко мне, — просит меня учитель, которого я не заметила, в своих мыслях пребывая.

— Конечно, Константин Давыдович, — киваю я, даже не задаваясь вопросом, зачем. Учить будет, вот зачем!

А пока у меня ежедневное дело, оно уже точно моё, потому что тётка Лена за мной обязанность утреннего контроля градусников закрепила. В хирургии их до завтрака раздают, ведь если осложнения, то придётся даже и на стол, что на полный желудок не очень хорошо. Именно поэтому я быстро работаю — дети голодные уже, завтракать им пора.

Леночку выписали уже, а вот и Витя, сейчас уже совсем

хорошо выглядящий. Не пошло дальше воспаление значит. А вот и новенькая плачет, её вчера карета, точнее, автомобиль, конечно, скорой помощи привёз, и сразу же на стол. Константин Давыдович лично оперировал! Поэтому в результате я, конечно, уверена, но плачет-то чего?

— Отчего у нас слёзки? — интересуюсь я у ребёнка. — Больно? Страшно?

— Я к маме хочу... — всхлипывает она.

— Все мы к маме хотим, — вздыхаю в ответ. — Вот ты как хорошая девочка полежишь пару дней, а там и мама будет. Хорошо?

— Обещаешь? — сразу серьёзной становится, и слёзки пропадают.

— Мы всё-всё для этого сделаем, только вместе, согласна? — интересуюсь я её мнением, не отвечая на вопрос, потому что откуда ж мне знать, как заживление пойдёт?

Она неуверенно кивает, а я её глажу на прощанье и к следующему перехожу. Разговариваю с ними обязательно. Потому что врачам некогда, а так только разве что санитарка доброе слово скажет. Я была на месте этих малышей, чуть ли не полгода в больнице провела, испугалась и натосковалась страшно просто, но всё уже хорошо. И с ними, конечно же, будет. Особенно с малышкой, имя которой я не посмотрела. А вот же оно, Оля Ермолаева у нас сейчас завтракать будет. Я с градусниками закончу, и сразу же завтрак.

Привычно мне уже это занятие. И никто не жалуется се-

годня, не лихорадит, значит, день хороший будет. И с этими мыслями я иду относить журнал, потому что меня учитель ждёт. Очень мне любопытно, что он задумал...

Константин Давыдович решил мне операцию показать. О том, что операционная стерильна, я знала и раньше, но вот как нужно готовиться — это новое для меня знание. Кроме переодевания полного, мытьё начинается, пусть даже я не буду участвовать, но всё равно. Тётя Лена мне показывает, и где халат, и как полностью убрать волосы.

— Смотри, моешь руки до локтей — вот мыло, вот щётка, — протягивает она мне щётку на ручке. — Как помыла, не вытираешь.

Я киваю, потому что читала об этом. При этом даже медсестре помогают, потому что помытые руки надо держать кистями вверх — они так просыхают, и ни к чему прикасаться нельзя. Дальше их протереть надо спиртом и сулемой, от которых стягивает немного кожу. Ну и запах, конечно, с которым ничего не поделаешь.

— Молодец, — хвалит меня тётя Лена за то, что правильно руки держу.

А я стараюсь сдержать дрожь, ведь впервые я вхожу в святая святых — операционную. Однажды я войду сюда как врач, но до того мне предстоит увидеть, как оно бывает на самом деле, и не испугаться. Я понимаю: потом Константин

Давыдович будет меня расспрашивать и о ходе операции, и о том, зачем она была нужна. Он уже делал так, но на историях болезни, а вот сейчас решил дать практический опыт.

Мама говорит, что учитель слишком торопится, стараясь вылепить из меня полноценную медицинскую сестру — на все руки мастера, и причин для такой спешки она не видит. А я так думаю: если Константин Давыдович торопится, значит, так надо. Может быть, он меня проверяет, уча всему этому, чтобы мне потом было проще учиться или... может, это эксперимент какой, кто же знает?

— Куда локти растопырила! — прикрикивают на меня, отчего я вмиг прижимаю их к себе.

Мои руки на уровне груди, при этом ття Лена помогает мне халат надеть, ещё один, кстати, объясняя, как правильно это делать, а затем приходит очередь перчаток. Длинные резиновые перчатки, и помочь себе я не могу — всё должно быть стерильно. Толстые они, не чувствуется внутри ничего, но, наверное, я привыкну. Врачи же работают? Значит, и я смогу!

Теперь я понимаю, зачем хирургам так важно руки беречь — они очень чувствительные должны быть. А мне в это время повязывают маску, и я уже совсем готова. Тётя Лена уже ушла мыться, а незнакомая медсестра показывает мне место для стояния.

— Тут ты всё увидишь, — голос у неё низкий, но мелодичный. — Смотри, операционная сестра должна проверить

инструментарий, чтобы всё было на своих местах, во время операции искать будет некогда.

— Поняла, — киваю я и застываю, ожидая команду.

На столе уже готовый к операции мальчик лежит. Судя по тому, как именно, оперировать ему будут справа, то есть, скорее всего, острый живот — аппендикс вырезать. Это, кстати, чуть ли не основной диагноз в хирургии, хотя бывают и посложнее. Мальчик уже под наркозом, можно начинать. Как будто подтверждая эту мысль, входит доктор. Едва узнаю учителя, потому что он даже внешне сейчас другой — настоящий врач, с большой буквы.

— Ага, Валерия тут, остальные готовы, — кивает Константин Давыдович. — Ну-с, начнём, товарищи.

Операционная — это просторная комната, прямоугольная, пол плиткой выложен, кажется, так она называется. И стены тоже, на самом деле. Запах в ней специфический, операционный, как его мама называет, спирта, мыла и, кажется, эфира. Свет очень хорошо освещает то место, которое резать будут, так что, похоже, я не ошиблась. Итак, представить, что передо мной кукла просто, а кровь — это чернила, чтобы меня впечатлить...

Бак, выложенный марлей, рядом стоит, значит, я правильно думаю, ведь отрезанную часть никто хранить не будет. Я переступаю с ноги на ногу, едва лишь не задев столик на колесиках, но этого, слава Марксу, никто не видит. А учитель тем временем кладёт первый разрез.

Почувствовав дурноту, продолжаю убеждать себя, что всё передо мной не настоящее, и это помогает. Я медленно прихожу в себя, внимательнее уже наблюдая за ходом операции. На самом деле аппендэктомия — так официально такая операция называется — простая очень. Сделать что-то не так тут почти невозможно, поэтому задача в моём случае была, наверное, просто не напугаться вида крови. Это у меня получается, так что я уже нормально рассматриваю, и как отрезает, и как зашивает живот мальчишке, которому мне в понедельник градусник выдавать, мой учитель.

Это моё первое боевое крещение, так можно назвать произошедшее, поэтому я счастлива. Именно сегодня я сделала шаг не просто в медицину, а именно в хирургию, которая мне безумно просто нравится.

— Стоит? — интересуется учитель.

— Молодцом держится, — отвечает ему тётя Лена, обнаружившаяся позади.

— Значит, будет из неё со временем настоящий хирург, — удовлетворённо резюмирует Константин Давыдович.

И тут только я понимаю, что говорили обо мне. Получается, что хвалят, и это очень приятно. Затем следует команда «размываться» — это значит, что нужно снимать с себя всё и затем, ещё раз помыв руки, идти в отделение. На самом деле, конечно, не в отделение, а ждать Константина Давыдовича, чтобы рассказать ему, что я увидела и что поняла.

— Ну как ты? — слышу я мамин голос, едва только вы-

хожу из операционного блока. Она меня внимательно осматривает и начинает улыбаться затем.

— Я хорошо, мамочка, — улыбаюсь ей, чтобы не волновать, ведь действительно всё ладно получилось.

— Большая молодец ваша дочь, Елизавета Викторовна, — замечает тётя Лена, оказавшись позади меня. — Выстояла, не упала, смотрела внимательно. Константин Давыдович очень хвалил.

— Молодец, Лерка, — хвалит меня и мама, отчего мне очень улыбаться хочется — мама же похвалила!

Пожалуй, именно сегодня я сделала свой главный шаг, сумев проверить решимость быть хирургом. Я знаю, тётя Лена ожидала, что я сознание потеряю, но я справилась, чем, конечно, удивила её. И вот по дороге к кабинету учителя она рассказывает, что молодые медицинские сёстры, бывает, падают в обморок в первый раз, и это нормально. Ещё я узнаю, отчего меня на операцию позвали — я эксперимент Константина Давыдовича с разрешения самого товарища Гиммельфарба. Он хочет доказать, что, готовя медсестру с начальной подготовкой практически, можно добиться больше успехов, чем традиционным способом.

Другой кто обиделся бы, но я не буду, мне даже очень приятно, что именно я стала экспериментом, ведь у меня есть цель. И к этой цели я иду всю мою жизнь. Поэтому я очень даже рада, вот!

Прощание с Алешей

«Здравствуй, папка!

Наконец-то письмо от тебя! Я рада, что ты здоров и бьёшь проклятого фашиста! Мы с мамой тоже здоровы. Знаешь, вчера я впервые оказалась в операционной! Правильно я решила в хирурги идти, очень мне это дело нравится, поэтому я буду хорошо учиться, чтобы ты мог мной гордиться! Так хочется, чтобы война поскорей закончилась...»

Будильник звенит как-то заполошно, по-моему. Я вскакиваю, в первый момент даже и не вспомнив, отчего в такую рань-то. Время суток определить сложно — светомаскировка. Надо папино поручение выполнить не забыть, потому что он лучше знает, как поступать правильно. С такими мыслями я приступаю к ежедневному занятию, ведь мне скоро на вокзале быть надо.

Наверное, мы начали привыкать, хотя на воздушные тревоги ещё заторможенно реагируем, но я уже знаю, где у нас бомбоубежище. На чердаке, кстати, есть вода и песок на случай пожара. Ленка в дружинницы записалась, а нас многое не касается — мы медики. Оказывается, есть распоряжение беречь медиков, вот нас и берегут, потому что мы считаемся на боевом посту. И я тоже, поэтому медицинская школа со-

гласна на то, что — потом. Константин Давыдович говорит, что сам всему научит, только экзамены сдать надо будет.

Вчера меня много хвалили, а ещё учитель сказал, что пора меня к самостоятельной работе допускать, раз я такая ответственная. Из чего был сделан вывод об ответственности, я не знаю... А ещё к нам вечером домуправ приходил — улыбочивый старичок — ему уточнить надо было о нас. Узнав, что мы с мамой в больнице работаем, сразу же распрощался. Мне, кстати, в больнице рассказали, что я теперь мобилизованная, хоть и несовершеннолетняя.

К завтраку я выхожу уже одетая, ожидаемо маму увидев, хоть и не хотела бы её беспокоить, но это же мама. Она, конечно же, всё помнит, и я очень этому рада. Мама очень по-доброму на меня смотрит, увидев сейчас. Она, конечно, не отдохнула, но встала ради меня.

— Доброе утро, Лерочка, — ласково произносит она. — Хорошо спала после вчерашнего?

— Ты знаешь, мамочка... — я даже задумываюсь на мгновение. — Очень даже неплохо, только...

— Алексей снился? — она будто бы мысли читает!

— Да... — тихо отвечаю я, совершенно смутившись, потому что не могу себе объяснить подобного.

— Это хорошо, дочка, — мама вздыхает, — пусть у него кто-то будет. А дружба это или ещё что — потом узнается.

Вот эта мамина фраза заставляет призадуматься. Это, правда, завтраку не мешает, но заставляет думать об Алексее

совсем иначе. Я всё думала же, как сама к нему отношусь, а о нём-то и забыла! А он сирота, и сегодня, наверное, на фронт отправляется. Кто знает, что его там ждёт... Буду ему подругой или, может, сестрёнкой, ведь это же плохо, когда совсем никого. Если Алексей будет знать, что я его жду, то ему же легче будет? Папа всегда говорил: «Любому очень важно, чтобы у него кто-то был». Может быть, мама имеет в виду именно это? Тогда я буду!

Закончив с едой, бросив взгляд на часы, начинаю собираться быстрее. Когда вернусь, надо будет выполнить папино распоряжение — снять стёкла, не везде, но снять, и заменить их фанерой. Воздушная тревога уже была, может случиться и настоящая. Как она бывает, я не знаю, конечно, но если папа сказал, что нужно заменить стёкла, то так и сделаю.

В газете писали о том, что полоски бумаги и газеты надо на стекло наклеить. Значит, стёкла могут разбиться, а фанера не разобьётся. Она с одной стороны чёрной краской окрашена, поэтому будет удачно для светомаскировки, и лампочку с улицы видно не будет. Надо будет, кстати, проверить, или попросить кого проверить... А сейчас уже убегать нужно.

— Документ не забудь, — напоминает мне мама, на что я благодарно киваю.

В больнице мне выдали, потому что я ж несовершеннолетняя, паспорта у меня нет. А там написано, что я младшая медицинская сестра отделения хирургии детской боль-

ницы имени Раухфуса. Место проживания и даже моя фотокарточка имеется. В Ленинграде же военное положение, поэтому патрулю нужно обязательно быстро установить, кто я и откуда. Мне так тётя Лена объяснила, и я приняла это объяснение.

Жаль, что не услышала утреннюю сводку, наверное, на вокзале услышу, а сейчас меня уносит пустой трамвай по уже знакомому маршруту. Один и тот же, получается, у меня маршрут почти. Сейчас у нас раннее утро воскресного дня, но вот ощущения праздника нет совсем. Начавшаяся война, все известия последних дней, да и объявления о строительстве укреплений отменили все праздники до конца войны.

На нашу страну напал враг! Страшный, коварный, подлый! Но наверняка германские рабочие и крестьяне обязательно поднимут восстание, чтобы свергнуть тех, кто напал на первое в мире государство, построенное такими же, как они. Ведь не зря же по радио говорили, что войну нам навязали всякие буржуи, купающиеся в крови трудового народа. Поэтому надо ещё немного подождать, ведь наше дело правое!

Я смотрю в окно, сидя в пустом вагоне, а за ним совершенно изменившийся всего за неделю постепенно становящийся любимым Ленинград. Колыбель Революции, город Ленина, снова, как и много лет назад, готовится к бою. Это хорошо заметно по мешкам, закрывающим нижние витрины, по тому, как маскируют здания, то здесь, то там можно стро-

ительные леса увидеть... Фашисты наверняка постараются уничтожить красоту, ведь они физически не переносят ничего красивого. Об этом и на собрании говорили, что фашисты от настоящей красоты злятся страшно, просто бесятся, и потому всё хотят поскорее уничтожить.

Трамвай приближается уже к нужной остановке, она у него конечная, по-моему, уже и цель моего путешествия видна. Я не знаю, куда именно нужно, но, думаю, найду. С этими мыслями и выхожу в раскрывшиеся передо мной двери. Спешу в сторону знакомого уже здания, мы, кажется, тоже на Балтийский приезжали, так что место не так чтобы совсем чужое, да и похожи все вокзалы один на другой.

— Гражданка, предъявите документы! — слышу я требовательный голос, удивлённо разворачиваясь в сторону внезапно обнаруженного патруля. Двое моряков с винтовками мне кажутся просто огромными.

— И чего ты её остановил, девчонка совсем! — сердится высокий моряк на своего товарища, но тут я протягиваю документ, и патрульный мгновенно меняется.

— Что тут? — интересуется как-то оказавшийся позади меня командир, появляясь передо мной. — Заняться нечем?

— Это медсестра, товарищ капитан-лейтенант, — протягивает мой документ один из моряков. — Наверное, своего провожать прибежала. Разрешите?

Какое-то чудо, по-моему, происходит. Патрульные выглядят вполне обычно, только повязки красные показывают, что

они не просто так с винтовками погулять вышли. Но как только узнают, что я медсестра, сразу же очень вежливыми становятся, а командир даже разрешает меня проводить туда, где Алексей... Они со мной обращаются так, как будто я сестра им или подруга близкая. Интересно, отчего так?

Алексея я вижу издали, рванувшись в ту сторону, но флотский командир придерживает меня, махнув кому-то рукой. Вокруг много людей, стоят моряки... Ой, они в строю же стоят! Нельзя их трогать, когда в строю, и подбегать нельзя. К нам уверенно подходит другой командир в чёрном... кажется, это «бушлат» называется. Он от других отличается только петлицами и нарукавным знаком. На рукаве у него звёздочка желтая и двойная полоска, а в петлицах... Три кубаря, значит, старший лейтенант. Только я читала, что во флоте нет такого, чтобы одновременно и то, и другое. Наверное, это что-то означает, только непонятно, что.

— Чем могу помочь? — интересуется товарищ старший лейтенант у начальника патруля.

— Разреши сестричке с родной душой попрощаться? — просит его товарищ капитан-лейтенант. — Который тут твой? — спрашивает он уже меня.

— Вон там, Алексей, — показываю я на только что увидевшего меня курсанта. Алексей сильно удивляется.

— Хорошо, — кивает товарищ старший лейтенант и кри-

чит в сторону строя: — Курсант... Рядовой Найдёнов! Выйти из строя! Ко мне!

Алексей бежит к нам, отдав кому-то скатку и вещмешок, а вот винтовка при нём, не расстается он с ней. Это правильно, потому что за утерю оружия и до войны могло быть очень грустно, папа рассказывал, поэтому я очень даже понимаю.

— Видишь, юная совсем, а уже сестра милосердия, — слышу я негромкий разговор за спиной, наблюдая за Алексеем. — Может...

— Парень сирота, — вздыхает товарищ старший лейтенант. — Она у него единственная близкая получается...

И в этот момент Алексей до нас добегают, сразу же принявшись докладывать, но товарищ старший лейтенант его прерывает, на меня кивнув. Он по-доброму улыбается, лишь одно слово бросив:

— Прощайтесь.

Я застываю, глядя на парня, не зная даже, что сказать, а он просто смотрит мне в глаза, как тогда, неделю назад, когда всё только началось. Я же ощущаю себя так, будто заплакать хочу, но Алексей, как очнувшись, берёт меня за руку, отводя к стенке, чтобы на проходе не мешаться.

— А меня в морскую пехоту взяли, — говорит он мне. — Если бы на корабль, а так...

— Зато ты будешь бить проклятых фашистов, — говорю это, а плакать хочется всё горше, но я держусь, не маленькая же. Хоть и чувствую себя, как в детстве, когда папа в первый

раз...

— Буду защищать тебя, — улыбается он мне. — А ты... будешь писать?

— Обязательно! — клятвой звучат мои слова. — Каждый день буду, хочешь?

— Очень... — признаётся Алексей... Алёшка... Да что со мной такое?

— Я буду! И ты... Ты тоже пиши, хорошо? — я заглядываю ему в глаза, хоть и сержусь на себя за жалобный тон.

Я не знаю, сколько продлится война, как не ведаю, когда нам выпадет судьба встретиться, но верю сейчас в то, что Алексей не может погибнуть. Изо всех сил верю. Мы говорим сейчас о сущих пустяках, а мне... Мне обнять его хочется, как папу. И, кажется, в какой-то момент я замираю посреди фразы, вдруг подавшись навстречу ему. Миг — и мы в крепких объятиях друг друга. Как брат с сестрой, как друзья, как... Какая разница? Я обнимаю Алексея, а он меня, и мне от этого спокойнее делается. Я чувствую — так правильно. Правильно его обнимать и чувствовать его руки, его поддержку.

— Становись! — звучит команда, а сразу за ней: — По вагонам!

— Не плачь! — просит меня Алёша. — Я вернусь с победой, вот увидишь!

— Я буду ждать! Очень-очень! — мне кажется, какая-то сила разделяет нас сейчас, отнимая его у меня, и не хочу это-

го! Я ни за что не хочу расставаться с ним, неважно сейчас даже, почему.

Меня почему-то пускают к самому поезду, и Алексей до самого последнего мгновения касается меня своими пальцами. Наши руки соприкасаются, хотя он уже висит на подножке, а глаза неотрывно друг на друга глядят. Паровоз даёт гудок, затем второй, поезд медленно трогается с места, и я делаю шаг. Я не желаю разрывать наш контакт и иду за поездом, всё быстрее и быстрее, а затем уже и бегу за ним.

— Алёша! — кричу я. — Я буду ждать! На нашем месте ждать буду! — сама уже не понимая, что кричу, слышу лишь его голос, полузаглушенный шумом поезда.

Я не слышу, что мне кричит Алексей, останавливаясь в конце платформы. Я машу ему рукой, изо всех сил желая встретиться с ним вновь. Когда он стал мне настолько дорогим? Почему? Моя щека ещё хранит ощущение ткани его бушлата, я чувствую ещё прижавшийся ко мне ремень и плачу... Как будто папа снова уехал, я плачу, не в силах сдержаться.

— Ну что ты, сестрёнка, — слышу я ласковый голос того самого патрульного, который мне так помог. — Всё ладно будет с братишкой. Придёт он с победой домой, там и встретитесь.

— Я верю... — сквозь слёзы киваю я, но всё равно плачу.

— Полевую почту ему скоро сообщат, — произносит флотский командир, который начальник патруля. — Вот и

напишет.

— Да, — киваю я, а потом, вытерев беретом слёзы, поднимаю на него взгляд: — Вы со мной, как с родной... А почему?

— А потому, сестрёнка, что ты жизни спасаешь, чем бы ни занималась, — отвечает мне совсем не командир, а другой краснофлотец. — Юная совсем, шестнадцати нет ещё, а работаешь там, где трудно.

И они уводят меня с собой. Я почему-то иду с ними, сама не знаю куда, и кажется мне при этом, что отъезд Алексея вызвал у меня больше эмоций, чем даже папин. Почему я так реагирую, отчего? Мне это совсем непонятно, зато, кажется, что-то понимает флотский командир.

— Это же очень плохо, когда совсем один, — объясняю я ему свой взгляд на ситуацию. — Только не знаю, почему я так...

— Вот так бывает, братцы, — вздыхает краснофлотец, идущий слева.

Только вот мне не говорят, что понимают, а я... Мне почти и всё равно, потому что в груди как-то пусто становится. Кажется, чего расстраиваться, ведь нас — огромная страна, и нет такой силы, что может нас сломить, но... Отчего-то очень грустным оказалось на фронт провожать Алёшу.

— А что такое «морская пехота»? — интересуюсь я у флотского командира. У него, кстати, только на рукаве знак, а в петлицах нет.

— Сейчас война идёт в основном на земле, — объясняет он мне, как маленькой, как мне кажется. — А моряки же хотят тоже побить фашиста? Ну вот им и дают такую возможность.

И вроде бы очень по-детски объяснил, а мне всё понятно стало. И плакать расхотелось, потому что весёлое получается объяснение. Поэтому я благодарю его и уже хочу домой возвращаться, но товарищ капитан-лейтенант просит кого-то «отвезти домой сестрёнку», и я через некоторое время уже на полуторке еду. Ласково они ко мне, как к родной своей...

Карточки

«Здравствуй, папка!

Как ты там бьёшь гадких фашистов? Как твоё здоровье? Совсем недавно уехал Алёша. Я даже и не знаю, когда он мне стал так дорог, даже, кажется, дороже друга. Ты знаешь, на вокзале моряки ко мне, как к родной отнеслись, даже странно было, а вот сегодня я начала понимать, почему...»

Собравший нас — медсестёр и санитарок — прямо с утра Константин Давыдович вздыхает. Он будто и не хочет поначалу говорить, хотя мы уже многое понимаем и сами, ведь формируется уже Народное ополчение, всё больше рассказов о пойманных диверсантах и шпионах, всё чаще проверяют документы на улице. У нас многие ушли на фронт, а вот в ополчение хирургию не пускают, даже предупреждают об ответственности за оставление боевого поста.

— Товарищи, — наконец произносит Константин Давыдович. — С сегодняшнего дня на базе больницы формируется эвакуационный госпиталь для детей. Это значит...

Я внимательно слушаю о том, как меняются наши, особенно мои, обязанности, понимая, что теперь мы с мамой домой будем попадать хорошо если до комендантского часа.

Это, конечно, вопрос — как попадать домой, если нужно задержаться, но тут оказывается, что со мной ситуация и проще, и сложнее.

— Товарищ Суровкина, — обращается ко мне секретарь больничной комсомольской организации, — вам даётся ответственное поручение — самостоятельно работать медицинской сестрой, в кратчайшие сроки подняв уровень своей образованности.

— А меня допустят? — удивляюсь я, потому что это же основная проблема, сама-то я уже всё равно готова.

— Допустят, — кивает учитель, поблагодарив комсомольского секретаря.

Другие медицинские сёстры без зависти или злости смотрят, как будто понимают что-то, от меня до поры сокрытое. А я раздумываю о прочитанном в газете — Гитлер просто хочет, чтобы нас не было. Всех нас, жителей страны Советов, он хочет убить, так в статье написано. Но пока не может — раз за разом срываю его попытки, поэтому-то во время воздушной тревоги ничего и не происходит. Но по сигналу всё равно приходится бежать в убежище, а когда я на работе, то и помогать с малышами, потому что старших я просто не утащу.

Эвакуационный госпиталь — это означает только, что мы все военные. Но мы и так ими были, так что разницы никакой, а вот комсомольский секретарь выступил, чтобы у меня не было мысли, что я чем-то ненужным и неважным занима-

юсь. Это наверняка учитель его попросил, спасибо ему.

А пока идёт совещание, я всё думаю об Алёше и нашем прощании. Как-то необычно оно прошло, и казалось мне в тот момент, что нет никого дороже у меня. Но он уехал, напряжение спало, а я всё жду письма. Очень мне важны письма, что от папы, что от Лёши. И от подруг московских тоже. Давеча Ленка письмо прислала, а там слова, что она в газете прочитала, грозные слова, я их в комитет комсомола наш больничный отнесла, чтобы все услышали.

Так вот, обо мне... Отделения у нас, выходит, сливаются, только и всего, хотя послеоперационные палаты остаются, потому что режим у них другой. Но медсестёр осталось мало, и санитарок не так много, потому палаты больше станут, впрочем, мне всё равно — я любимым делом занимаюсь. Но вновь ревёт сирена воздушной тревоги, и мне нужно бежать.

Я беру малышей — до трёх лет, их у нас немного, поэтому вполне успеваю с ними в бомбоубежище, устроенное тут же, в больнице. Сирена ревёт, но дети уже не пугаются — они привыкли к звуку, да и я, наверное, тоже привыкла уже. Бывает, по паре раз в день ревёт эта тревога, но не происходит совсем ничего, а это значит, что наши пилоты и зенитчики просто не пускают врага к городу.

— Валерия, у вас эвакуированные с поражением рук, — строго сообщает мне товарищ Иванова. — Осмотреть, оказать помощь, в сложных случаях — вызвать врача, всё ясно?

— Всё ясно, — киваю я, глядя на горстку испуганных детей лет пяти-семи. Взрослых рядом нет, это значит — без сопровождения, такое бывает.

Кажется, три недели всего прошло, а я уже ко многому привыкла. Из самого Ленинграда, по слухам, идёт эвакуация, но и в город есть приток беженцев. Чаще всего травмы у них механические, но вот тётя Лена давеча показывала мне мальчишку с огнестрельным переломом ноги. Раньше я такого и не видела никогда, даже в учебниках, а сейчас вот довелось.

— Лера, поесть не забудь! — мама заботится, проскакивая мимо меня.

Мы на работе видимся довольно мало, потому что сейчас эвакуированных много, ну и организация только происходит. А так я уже втянулась — сводка, письма, если есть, утром на работу, вечером домой и спать. Ещё неделю назад я могла себе позволить почитать перед сном, а сейчас уже иногда и поесть сил нет. Теперь я, кстати, понимаю, насколько важна моя утренняя зарядка, спасибо папе.

Город я вижу из окна трамвая — висящие аэростаты, яркое солнце летнее, да только радоваться нечему. Посуровел неожиданно ставший любимым город, стал больше походить именно на Колыбель Революции, на лицах редких прохожих решимость, ну и патрулей становится больше, ведь вместе с эвакуированными могут и диверсанты прорваться.

Пока еду в трамвае, перечитываю папино письмо, а от Алёши пока ничего нет. Успокаивая себя тем, что письмо

может подзадержаться, я всё же очень надеюсь его получить. Почему-то я думаю не только о том, что он стал каким-то неожиданно важным для меня, но и надеюсь на то, что важна ему. Хоть как подруга, хоть как сестра, всё равно как. Просто увидеть, прочитать, узнать, что с ним всё хорошо. Вот о чём я думаю, и даже не сержусь уже на себя.

Но сейчас у меня дети, страшно перепуганные, растерянные, а ещё им больно. Трое их, просто одеты несообразно погоде, вот и показалось, что больше их. Нашупав ставший уже привычным бинт в кармане, я принимаюсь медленно снимать верхнюю одежду с младшего самого ребёнка непонятного пока пола. На улице двадцать градусов, а они так закутаны — это очень нехорошо и чревато перегревом.

— Что случилось у моих хороших? — интересуюсь я у детей.

— Мы шли... — говорит тот, который постарше, начав раздеваться сам. — А потом бух... И мама...

Понятно всё, только странно, что фашисты уже так близко долетают. Впрочем, я верю сводкам и не более того, а сейчас мне нужно... Батюшки! Ребёнок в крови весь! Подхватив оказавшуюся девочкой малышку, я очень быстро бегу в процедурную, помыть нужно и понять, что происходит. Даже если оперировать — всё равно сначала надо помыть, а ребёнок, по-моему, вообще на грани находится, поэтому я громко, отчаянно зову учителя, сразу же выскочившего мне навстречу.

Правильно, оказывается, я его позвала. Это обнаруживается всего через несколько минут, поэтому Константин Давыдович уносится оперировать, а я мою руки, приходя в себя. Непросто это, но я выдержу, потому что я будущий врач.

Нам сегодня карточки раздали. Как будто мир снова разделяется на «до» и «после». Нам объясняют, что карточки нужны для борьбы со спекулянтами и мародёрами, кроме того, их везде вводят, поэтому ничего страшного в этом нет. Война получается тяжелее, чем думали, и в то, что «могучим ударом, на чужой территории» уже никто, по-моему, не верит. Почти месяц войны прошёл, а уже и настроение изменилось, хотя не мне плакаться, у меня сегодня радостный день — письмо принесли. Алёша написал, только он не домой, а на адрес больницы написал, но оно всё равно дошло, поэтому я в перерыв, едва только дотерпев, читаю его...

«Дорогая моя подруга, — пишет мне Алексей, — прибыли мы хорошо, у меня некоторое время обучение, а потом уже и бои начнутся. Как ты там?»

Против воли я улыбаться начинаю, ведь таким теплом веет от каждой строчки, от каждой буквы, что, даже не подумав, не обманываю ли я себя, улыбаюсь. Я сильно повзрослела внутренне за этот месяц, почти даже с записанным возрастом сравнилась, как мне кажется. И вот теперь радуюсь письму, как взрослая уже... Живой Лёшка, вот и новость хо-

рошая. А карточки... Ну бывает, может, оно так и лучше. Терять их нельзя, так никто и не собирался. И настроение у меня поднимается, и спокойнее на сердце становится.

Меня передают из отделения в отделение, показывая, что и как устроено — как детское питание готовится, например, как кухня работает... Константин Давыдович распорядился, чтобы я, значит, всякую работу знала. Ему виднее, конечно, кому, как не ему, знать, как правильно готовить будущего врача. Я же просто радуюсь возможности заниматься делом своей мечты, быть среди врачей, хотя, конечно, хочется...

Снится мне ночами, что нет никакой войны, а мы вчетвером с папкой и Алёшкой гуляем по набережной... И что мама и папа его принимают. А вокруг радостные люди и шары летают, а не аэростаты. Мы обязательно победим, обязательно! Только хочется мне, чтобы папка и Алёшка рядом были, чтобы прижаться, как в детстве, и обнять ещё. А нужно вставать и идти.

Всё яростнее митинги, да и сводки, хоть и туманные, но кажется мне, всё ближе они. Народное ополчение обучается, а врачей не берут. Взрослых, по слухам, взяли, а детских приказано — нет. Потому что, если что, заменить нас некому. Доктор Нефёдов из скорой помощи очень огорчился, что не берут. Но их фронт здесь, как и мой, и мамин, хотя хорошо, что маму не берут, наверное... Не знаю, смогу ли я без неё жить.

Впрочем, грустить мне некогда, у каждой медицинской

сестры, каждой санитарки много работы, в основном из-за воздушных тревог. Мы промеж собой разбили палаты, и теперь каждая знает, куда бежать и каких нести детей. В первые разы ещё была неразбериха, а теперь уже нет — мы привыкаем. Да и тревога бывает по несколько раз на дню, так что не набегашься.

— Ну-ка, Валерия, пойдём-ка со мной, — приглашает меня Константин Давыдович, перестав звать уже по отчеству.

— Иду, — улыбаюсь я, поспешно пряча зачитанное почти до дыр письмо.

Больница, конечно, внешне и внутренне меняется. Но все мои дни проходят здесь, а выходных у нас нет. Чуть ли не с первого числа нет выходных, особенно у медицинских сестёр, потому что очень многие кто в ополчении, кто на фронт ушли, а из других отделений даже перевели. Ничего, после войны отдохнём, да и что бы я дома делала? Папе я отписала в адрес больницы письма слать, Алёша изначально так делал, так что... А домой мы ещё приходим после работы, а потом уходим утром. Каждый день, хотя иногда я думаю, что на работе жить было бы проще, но мама против — помыться надо, постираться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.